

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

Советской Юстиции

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА:

Москва, Кузнецкий Мост, д. 7. Телеф. 2-80-42
3-18-42

ЦЕНА НУМЕРА в Москве и провинции 35 коп.

№ 35

28 СЕНТЯБРЯ 1925 г.

№ 35

Юридические лица и договор поручения.

Небезынтересным в данный момент является выяснение вопроса о том, может ли юридическое лицо выступать в качестве поверенного физического или юридического лица и совершать те или иные юридические действия от имени доверителя, получая от последнего соответствующую доверенность или полномочие.

Если обратиться к действующему закону, то окажется следующее:

Основной статьей, определяющей понятие договора поручения, является 251 ст. Гр. Кодекса. В первой половине этой статьи говорится, что «по договору поручения одна сторона (поверенный) обязуется совершать за счет и от имени другой стороны (доверителя) порученные его доверителем действия».

Из цитируемой статьи вовсе нельзя усмотреть, что поверенным может быть лишь физическое лицо, а, наоборот, в ней делается общее указание на то, что «одна сторона» обязуется совершать действия, порученные ей «другой стороной».

Следовательно, в этой основной статье, определяющей юридическое значение договора поручения, вовсе нет никаких ограничений на тот счет, что в договоре поручения поверенный должен быть непременно физическим лицом.

Конечно, в жизни общим явлением считается то положение, что поверенным фактически является физическое лицо, и это обстоятельство несколько отразилось на законодательстве.

Так, в ст. 254 Гр. Код. говорится, что «поверенный обязан исполнить порученные ему действия лично». С первого взгляда может показаться, что раз в этой ст. упоминается о «личном» действии, то следует думать, что поверенный должен быть непременно физическим лицом. Однако, подобное толкование статьи представлялось бы и произвольным и неправильным, так как статья 254 Гр. Код. имеет тот смысл, что вообще поверенный сам обязан исполнять порученные ему действия и что право передачи исполнения другому лицу (заместителю) допускается лишь в двух случаях: если поверенный уполномочен на то по договору или если он вынужден к тому силой обстоятельств, в целях

охраны интересов доверителя. Таким образом, эта статья отнюдь не разрешает поставленного вопроса, а устанавливает тот общий принцип, что поверенный, кто бы он ни был, т.-е. физическое или юридическое лицо, сам обязан исполнять порученные ему действия.

Равным образом, и в статье 260, говорящей о случаях прекращения поручения, в пункте втором упоминается о том, что поручение прекращается «в силу смерти поверенного или утраты им дееспособности».

Очевидно, «смерть» тут касается физического лица, и потому можно невольно сделать тот вывод, что поверенным может быть лишь физическое лицо.

Однако, в том же самом пункте «г» ст. 260, как мы выше видели, упоминается, что поручение прекращается вследствие «утраты дееспособности» поверенным.

А утрата дееспособности одинаково может касаться как физического, так и юридического лица.

Равным образом, и ст. 263 Гр. Код. подчеркивает то положение, что под поверенным обычно разумеется лицо физическое, ибо в этой статье говорится о том, что «в случае смерти поверенного наследники его обязаны известить доверителя и принять необходимые меры к ограждению интересов последнего».

Само собою ясно, что эта статья, говорящая о «смерти поверенного, о его «наследниках», относится лишь к лицу физическому, но не юридическому.

Все это представляется вполне понятным, так как, повторяем, наиболее распространенным является тот факт, что поверенным бывает именно физическое лицо.

Но из этого вовсе не следует, чтобы юридическое лицо не могло быть поверенным и чтобы оно не могло по договору поручения принимать на себя исполнения тех или иных обязанностей поверенного.

Во всяком случае, в Гр. Код. нет таких указаний, в силу которых юридическое лицо не могло бы быть поверенным по договору поручения.

А раз прямого воспрещения в законе на этот счет не имеется и нет вместе с тем определенного

и твердого указания на то, что по договору поручения поверенным может быть лишь физическое лицо, то следует признать, что и юридическое лицо может у нас выступать по договору поручения в качестве поверенного.

Возникает вопрос, а не мешают ли этому признанию общие принципы понятия правоспособности и дееспособности.

Как известно, под правоспособностью разумеется способность иметь права и обязанности.

Дееспособностью же называется способность совершать действия, имеющие юридическое значение. Исходя из этих понятий, с первого взгляда может показаться, что так как по договору поручения доверитель уполномочивает поверенного совершать определенные действия юридического характера, исполнение же поручений требует совершения личных действий поверенного, а юридическое лицо само по себе не может этого выполнить, то, следовательно, оно по самой природе своей как бы представляется лишенным дееспособности.

Но это утверждение представляется совершенно неправильным.

Само собою разумеется, что юридическое лицо, как понятие не реальное, само действовать никак не может, однако, оно действует через посредство своих органов, единоличных или коллегиальных. Действие этих органов и считается действием самих юридических лиц.

Недавно, в январе 1925 г., на совещании юристов-консультантов при ВСНХ (см. «Вестник Сов. Юстиции» №№ 6 и 7) ставился вопрос о соотношении между правоспособностью и дееспособностью юридического лица. На этом совещании проф. Попов, бывший докладчиком по указанному вопросу, отстаивал следующие положения: правоспособность юридического лица определяется применительно к целям, указанным в его уставе или положении, объем дееспособности юридического лица определяется той самой целью, ради которой оно наделяется правоспособностью, возможны, однако, случаи, когда дееспособность юридического лица уже его правоспособности, при чем проф. Попов приводил случаи несовпадения объема правоспособности с объемом дееспособности, указывая на то, что эта дееспособность приобретает юридическим лицом лишь с того момента, когда юридическое лицо получает правоспособность, т.-е. с момента утверждения устава юридического лица или с момента его регистрации. Проф. Ратнер оспаривал утверждение докладчика о несовпадении правоспособности и дееспособности юридического лица и находил, что в отличие от физических лиц у юридического лица совершенно одинаковый объем правоспособности и дееспособности. А проф. Гордон приводил чрезвычайно интересный случай, когда дееспособность юридического лица уже осуществляется в то время, когда правоспособность его еще не возникла (ст. 339 Гр. Код.).

Вопрос о праве юридического лица заключать договор поручения и принимать на себя обязанности поверенного должен быть разрешен вне всякой зависимости от понятий физического или юридического лица. Разграничение этих понятий никакого отношения к поставленному вопросу не имеет и иметь не может, так как в виде общего правила должно быть признано то положение, что с принципиальной точки зрения как физическое, так и юриди-

ческое лицо вправе заключать договор поручения и принимать на себя обязанности поверенного.

Вопрос тут вовсе не в этом, а в том, всякое ли юридическое лицо может выступать в качестве поверенного или нет.

При такой постановке вопроса все недоумения устраняются. Как известно, наше право определяет объем правоспособности юридических лиц не по принципу неограниченности, связанного обыкновенно с явочным порядком их возникновения, а придерживается теории специальной правоспособности.

Наделяя даже физическое лицо правоспособностью ограниченной, в пределах ст. 4 Гр. Код., советское право определяет объем правоспособности той целью, которой должно служить то или иное юридическое лицо.

Этой целью определяется и объем правоспособности и объем дееспособности юридического лица.

Начало специальной, уставной или целевой правоспособности и является краеугольным камнем в структуре наших юридических лиц, и потому всякий раз, когда приходится разрешать вопрос о праве юридического лица заключать договор поручения и принимать на себя обязанности поверенного, необходимо прежде всего выяснить, а входит ли сделка по договору поручения в целевую, уставную правоспособность того или иного юридического лица. И если она входит, то юридическое лицо вправе выступать в качестве поверенного. Если нет, то подобные сделки, как внеуставные, незаконны. В этом только и кроется разрешение поставленного вопроса.

Интересующий нас вопрос останавливает наших комментаторов Гр. Код. лишь мимолетно. Проф. Гойхбарг в 4 выпуске своего комментария, касаясь вопроса о прекращении поручения, попутно говорит о том, что «термины: «сторона» или «поверенный» одинаково применимы к физическому и к юридическому лицу». Допуская заключение договора поручения с юридическим лицом, проф. Гойхбарг, однако, не выясняет вопроса о пределах недоступности подобных соглашений.

Другой комментатор, т. Малицкий, стоит на противоположной точке зрения, утверждая, что «поверенными по самому свойству договора поручения могут быть только лица физические».

Из вышеизложенного видно, что это утверждение представляется неправильным, так как для разрешения поставленного вопроса совершенно несущественно разграничение лиц на физические и юридические.

Высказав в такой категорической форме утверждение, что поверенными могут быть «только лица физические», т. Малицкий тут же говорит, что «отдельные действия могут быть поручены и лицам юридическим: например, торговой конторе поручается продать акции, облигации». Непримируемое противоречие тут налицо и происходит оно от того, что т. Малицкий стоит на неправильной точке зрения о праве только лица физического быть поверенным. Но так как сама жизнь указывала ему, что сплошь и рядом, в особенности в торговом обороте, те или иные поручения исполняются юридическими лицами, то т. Малицкий и допускает возможность поручения отдельных действий».

Несколькими страницами ниже тот же т. Малицкий принужден вновь признать, что «если какое-нибудь поручение торгового характера дано юриди-

ческому лицу—торговой фирме, то прекращение существования этого юридического лица влечет за собой прекращение договора доверенности» (238).

Чтобы не делать таких противоречий, необходимо отказаться от священных прав физического лица и стараться разрешить с точки зрения целевой правоспособности юридического лица и современного правосознания. Дело в том, что в то время как в до-революционном праве физическая личность являлась самодовлеющей носителем гражданских прав, наш современный строй, наоборот, в первую голову выдвигает принцип коллективности. Никогда в старину не было такого количества юридических лиц самой различной структуры, как теперь. Этим-то советское гражданское право особенно и отличается от отжившей эпохи. И потому, если только устав или договор юридического лица допускает совершение тех или иных действий по договору поручения, то юридическое лицо может их совершать, не выходя, конечно за пределы этих предусмотренных уставом прав.

Так действуют все наши банки, совершающие ежедневно для своих клиентов массу всевозможных сделок, вытекающих из договора поручения.

Любой устав банка, транспортного общества и т. п. дает нам блестящие доказательства совершенно правомерного выступления юридического лица в качестве поверенного.

Мало того, что уставы юридических лиц дают доказательства права юридического лица действовать в качестве поверенного, сам закон наделяет юридическое лицо этим правом, при чем предоставляет некоторым юридическим лицам даже право судебного представительства.

Этим правом прежде всего наделены все опеки над имуществом умерших, малолетних, безвестно отсутствующих, расточителей и т. п.

Ведь не возбуждает же никакого сомнения тот вопрос, что опека является юридическим лицом, и, однако, это лицо, через своих представителей, в лице опекунов, совершает всякого рода дозволенные законом гражданские сделки от имени имущества подопечных, и кроме того в качестве представителя последнего выступает на суде.

Затем чрезвычайно интересным является установленное 151 ст. Кодекса законов о труде право союзных организаций представлять на суде в защиту интересов своих отдельных членов.

Тут прямо закон *expressis verbis* признает за союзом, являющимся юридическим лицом, право быть на суде поверенным интересов трудящегося.

Наконец, правительством утверждаются и регистрируются такие юридические лица, которые принимают на себя ведение судебных дел.

Так, Советом Труда и Обороны СССР утвержден был 21 ноября 1924 г. устав акционерного общества по выдаче справок о кредитоспособности. Это сокращенно так-называемое «Кредит-Бюро».

Согласно § 2 устава этого акционерного общества, оно в числе прочих функций имеет своей целью «содействовать клиентам общества в производстве расчетов как между собой, так и с третьими лицами».

И вот, опираясь на этот пункт, «Кредит-Бюро» принимает на себя ведение дел клиентов на суде, т. е., иначе говоря, является поверенным обращающихся к нему за помощью физических и юридических лиц.

Можно ли после всего этого утверждать, что «поверенным по самому свойству договора поручения могут быть только лица физические».

Очевидно, нет.

А. Куликов.

Сроки доверенностей.

В силу ст. 268 Гр. Кодекса срок доверенности не может превышать трех лет. В этих пределах он определяется доверителем по его свободному усмотрению. Если он этим своим правом не воспользовался, то вместо него срок определяется самим законом: один год со дня выдачи.

Таким образом, ст. 268 Г. К. в первой своей части содержит правило принудительное (воля сторон обязана подчиняться), а во второй части—вспомогательное (закон лишь восполняет волю стороны, которая могла сама решить вопрос так или иначе в предоставленных ей границах).

Отсюда проистекает ряд последствий и ряд вопросов.

Так, если какой-нибудь гражданин предоставит в нот. контору доверенность для засвидетельствования со сроком, превышающим три года, то нотариус на основании ст. 3 положения о нотариате такой доверенности не засвидетельствует. Как же быть? Очевидно, доверитель с указаниями нотариуса согласится, свой незаконно долгий срок сократит, и доверенность будет засвидетельствована.

Но возможно, что доверенность со сроком более трех лет будет составлена до м а ш и н н ы м порядком,

Каково должно быть к ней отношение и со стороны третьих лиц, когда поверенный предложит им заключить сделку, и со стороны суда, когда возникнет спор о действительности сделки, заключенной на основании такой доверенности? Могут, пожалуй, сказать: доверенность противоречит закону, а потому она в силу ст. 30 Г. К. недействительна; следовательно, и все сделки, заключенные на основании такой доверенности, также недействительны. Возможно, что именно такие соображения и пустит в ход та сторона, для которой сделка окажется невыгодной. Однако, такое толкование ст. 30 было бы сухо формальным, чисто механическим, а потому и неприемлемым. В живой области толкования и применения законов нужен деловой подход к вопросу, тут главенствует практическая целесообразность, а она властно требует осмотрительного отделения сухих ветвей от здорового дерева, чтобы сохранить его в целости, если, конечно, и поскольку это возможно и если вместе с тем это дерево действительно здоровое, т. е. своим ростом способствует развитию производительных сил страны. Разумеется, какое-нибудь, напр., отчуждение имущества вопреки ст. 22 Г. К. или же договор купли-продажи строения

с нарушением тех ограничений, которые предписывает ст. 182 Г. К., будут целиком недействительны, потому что здесь затронута гнилью самая сердцевина ствола, так что если отбросить больное, то от сделок ничего и не останется.

Совсем другое дело—срок в доверенности: если главная часть—договор поручения и форма доверенности—никаких возражений не вызывают и остаются в силе, а весь вопрос касается только срока, то нельзя упускать из вида, что он отличается чрезвычайно легкой и совершенно безболезненной для всего отношения делимостью. Поэтому рубить с плеча здесь нет ровно никаких оснований. Достаточно считать доверенность действительной в течение трех лет, и все будет в порядке. Так совершенно правильно и решается этот вопрос в «Комментарии Гр. Код.» под ред. т. Гойхбарга.

Однако, тут же возможно и другое сомнение. Можно сказать: согласны, доверенность целиком не поражается, но ведь срок-то более трех лет незаконен и, как таковой, он отпадает целиком; следовательно, доверенность оказывается совсем не имеющей срока, т. е. одногодичной, а не трехгодичной, как мы только что решили.

На это мы возражаем теми же самыми соображениями, которые приведены выше: нельзя вопрос решать формально и рубить с плеча; незаконно только то, что свыше трех лет; только это и должно отпасть; в остальном назначенный доверителем по праву срок вполне допустим, совершенно законен и наиболее соответствует воле доверителя, а потому он и должен быть оставлен в силе полностью, т. е. в размере трех лет, а не одного только года.

Так обстоит дело с наибольшей продолжительностью срока. Теперь посмотрим на его начальный момент. Ст. 268 Г. К. таковым считает «день выдачи» доверенности. В указанном выше «Комментарии» под «выдачей» разумеют вручение доверенности поверенному, т. к. ст. 264 Г. К. требует «снабжения» поверенного доверенностью и так как только после этого поверенный получает действительную возможность осуществлять и на деле совершать порученные ему «действия» (ст. 251 Г. К.).

Мы с этим толкованием согласиться не можем и с своей стороны полагаем, что день «выдачи» есть день составления и подписания (с числом, месяцем и годом) домашней доверенности или же день засвидетельствования ее у нотариуса (ср. положение о векселях, ст. 4, п. «б»). Только при этом последнем понимании дела достигается необходимая и существенно важная определенность: и поверенный будет знать свое время, и третьи лица найдут твердую опору в дате на доверенности, да, наконец, и сам доверитель не сможет ни иметь, ни заявлять никаких напрасных претензий ни к своему поверенному, ни к третьему лицу. Указанный же комментатор, высказав неправильное мнение, даже сам в своем теоретическом объяснении впадает в безвыходное затруднение. Он сначала говорит, что поверенный, по истечении годичного срока со дня выдачи доверенности, уже не имеет права ею пользоваться. Это безусловно правильно, как бы мы ни понимали слово «выдача», потому что если через год после своего совершения доверенность уже теряет силу, то тем более она ее теряет через год после вручения поверенному: по той

простой причине, что последнее всегда бывает или одновременно, или позже первого. Мы только думаем, что задержка во вручении доверенности отнюдь не может prolongировать срока ее действия, который считается со дня ее подписания или засвидетельствования (Гр. Код. ст. 130, прим. 1), а потому и третьи лица никакой сделки, по истечении именно такого срока, уже не заключают. И это особенно потому, что со днем вручения доверенности совсем нет возможности считаться, так как этот день; можно сказать, никогда не обозначается на доверенности. Но вот как-раз в этом самом месте комментатор и приходит к невозможному результату: если, говорит он, третьи лица не знают в точности о дне выдачи доверенности, то она «сохраняет свою силу и в течение некоторого небольшого периода после истечения годового срока, если день выдачи несколько запоздал против дня совершения доверенности. Если же со дня совершения доверенности, продолжает тот же автор, прошло значительно больше года, то третьи лица не могут ссылаться на добросовестное свое заблуждение при исчислении годового срока со дня выдачи доверенности, так как в обычных условиях оборота между днем совершения и днем выдачи доверенности проходит небольшой промежуток времени».

Таким образом, выходит, что, будто бы, день выдачи играет решающую роль даже и тогда, когда он в точности неизвестен или никем не удостоверен. Казалось бы, что хотя бы в таких случаях единственно начальным пунктом должна служить дата совершения доверенности, но автор думает все-таки иначе. И что же получается? Мы попадаем в область таких неопределенных, а потому и непригодных понятий, как «некоторый небольшой период», или «незначительно больше года», или, наконец, «небольшой промежуток времени»? Кажется, ясно, что с такими «сроками» ничего, кроме сплошного недоразумения, выйти не может. А этого вполне для нас достаточно, чтобы отказать и от того толкования, которое к этим недоразумениям ведет.

Итак, начальный пункт, это—день составления или совершения доверенности, а не день вручения, и это для всех сроков одинаково, а не только для того случая, когда сам доверитель никакого срока не устанавливает.

Наконец, последний вопрос: какие именно способы и приемы пригодны и необходимы для обозначения срока доверенности?

Для векселей см. положение о векселях, ст. 4, для процесса см. Г. П. К., ст. 54, для общего срока давности—Г. К., ст. 44, и т. д. Специально же для доверенностей закон не дает никаких предписаний, но зато ничем и не ограничивает вообще возможные способы. На практике самое употребительное и естественное: год, месяц, число или же определенный промежуток времени: полгода (шесть месяцев), два года и т. п. Так как в силу ст. 270 Г. К. доверитель и поверенный всегда могут прекратить действие доверенности и так как здесь замешаны интересы третьих лиц, то другие, менее определенные обозначения срока на практике не встречаются, хотя сами по себе они и не являются незаконными, напр., «на все время Нижегородской ярмарки 1925 года» и т. п.

Но идем дальше. Возьмем такой случай, когда поручается ведение одного определенного судебного дела, а срок доверенности ни одним из указан-

ных способов не определяется. Проходит год, дело еще не окончено, однако, вам заявляют, что ваша доверенность утратила силу, и вы лишаетесь возможности не только продолжать ведение дела, но даже, напр., получить исполнительный лист для отправки его доверителю и все это на том «твердом» основании, что закон никаких различий не делает и никаких послаблений не допускает, а потому год прошел и все кончено: доставайте новую доверенность.

Трудно согласиться с таким «строгим» толкованием: оно идет дальше, чем того хочет сам закон.

Хорошо известно каждому юристу, как отдельные сделки, совершенно различных видов, на практике в своих разнообразнейших проявлениях сближаются между собою настолько, что с большим трудом и сомнением отличаешь один вид от другого. Так, напр., понадобились особые разъяснения НКЮ, чтобы отличить поставку от купли-продажи, которые Гражд. Кодексом совсем не различаются, и поставку от подряда. Особенно же яркий пример, это — приближение капиталистического по своему происхождению подряда к нашему советскому трудовому договору личного найма со сделкой оплатой. Как раз между этими двумя сделками занимает свое среднее место договор поручения, оформляемый доверенностью. Поручение может иметь, с одной стороны, характер личного найма или трудового договора; тут доверенность общая: приказчики, юристы-консульты обязываются работать, т.е. многократно совершать однообразные действия в течение определенного периода времени; у них и вознаграждение большей частью повременное, а, напр., члены коллегии защитников, получая хотя и по общей доверенности, но пока лишь один заказ, ограничиваются изъяснением готовности работать опять-таки в течение определенного периода времени; у них вознаграждение, в виду малочисленности дел, большей частью сделное. Но такое же поручение может иметь, с другой стороны, и характер подряда: промышленник поручает торговцу провести одну определенную операцию или члену коллегии защитников поручается ведение одного определенного судебного дела; тут доверенность не общая, а специальная; тут и вознаграждение по преимуществу сделное, зависящее от результата работы; тут и вся сущность дела не столько в самой работе

(без нее обойтись нельзя), сколько в достижении определенной цели.

Имея все это в виду, не будем забывать и того, что сказано выше: во-первых, продолжительность срока законом оставляется (в пределах трех лет) всецело на волю и усмотрение доверителя и только в случаях молчания с его стороны определяется в один год, однако, в том предположении, что этот срок наиболее соответствует и действительной воле доверителя, если бы она была выражена (таково всегда значение вспомогательных норм: они говорят не от себя, а от стороны); во-вторых, самые способы определения срока законом не указываются, но в то же время и не ограничиваются.

Из всего этого вытекает то, что неперенное и точное указание срока цифрами не всегда обязательно. Срок может определяться в конце-концов и всеми обстоятельствами каждого отдельного случая. Спрашивается, какова же воля доверителя в доверенности специальной, т.е. когда поручается ведение только одного определенного дела? Не подлежит ни малейшему сомнению, что здесь все поручение направлено на то, чтобы дело было, во-первых, начато, во-вторых, чтобы оно во всех своих составных частях и стадиях велось и, в-третьих, чтобы оно было окончено. И наоборот, здесь никак нельзя предположить, чтобы доверитель интересовался временем работы, хотя бы и успешной, так же, как он им интересуется при доверенности общей. Там время — нечто положительное: больше времени, больше работы больше и вознаграждение. Здесь, наоборот, время — нечто отрицательное (неизбежное зло), а работа — лишь средство для скорейшего достижения цели, и потому вознаграждение нередко даже увеличивается при сокращении времени. А если все дело в достижении результата, то и срок доверенности — до этого результата.

Итак, наш вывод по нашему последнему вопросу: доверенность, выданная без указания срока на ведение одного определенного дела, действительна впредь до полного окончания этого дела. Применять и здесь годичный срок неправильно, потому что это было бы только формально и совсем нежизненно.

И. Трепицын.

Трудовые артели.

Трудовые артели издавна получили широкое распространение в России, особенно в отраслях с примитивными орудиями производства (артели плотников, каменщиков, землекопов, грузчиков и пр.).

Работа таких артелей мало чем отличается от труда лиц, работающих по найму. В Англии, например, заработок трудовых артелей рассматривается, как особый вид «кооперативной» заработной платы¹⁾. Обычный заработок членов таких

артелей не выходит за пределы средней заработной платы соответствующей профессии, а иногда бывает и ниже.

Вот почему в нашей советской действительности является необходимость в законодательной защите этой формы продажи труда.

В дореволюционном законодательстве правила о трудовых артелях были изложены в гражданских законах (Т. X, ст. ст. 2198¹⁾, 2198²⁾), где давалось определение понятия трудовой артели и устанавливался порядок ее организации. Но в этих правилах и в определении понятия артели не делалось никакого различия между трудовыми и

¹⁾ Туган-Барановский: «Социальные основы кооперации», стр. 218.

производственными артелями, да и вообще кооперативные товарищества не выделялись вовсе из разряда прочих товариществ.

В законе временного правительства от 20/III—17 г. хотя и дается точное определение понятия кооперации, но трудовые артели, как по своей структуре, так и по способу их образования, также не выделены от других видов кооперативных организаций. Выделение трудовых артелей в особую группу объединений, приближающих их к лицам наемного труда, считалось с точки зрения кооперативной догмы непростительной ересью.

Для иллюстрации того, как относились теоретики кооперации к этому вопросу, приводим разъяснение, данное в справочнике, изданном советом кооперативных съездов в 1919 г.¹⁾:

«Вопрос: может ли кооперативное т-во-артель ставить своей исключительной целью организацию лиц, работающих самостоятельно по найму в каком-либо хозяйственном предприятии».

«Ответ: не может. Кооперативное товарищество по самой природе своей организует самостоятельную хозяйственную деятельность, объединяя хозяйства или труд своих членов. Объединение же лиц, являющихся самостоятельными контрагентами по договорам личного найма, лежит вне задач кооперативного товарищества; оно составляет дело профессиональных союзов, преследующих цели не товарищеской организации хозяйства, а борьбы с нанимателями труда».

Такой же точки зрения придерживалось и наше советское законодательство до последнего времени.

Так, закон о промысловой кооперации от 7/VII—21 г. («С. У.» № 53, ст. 322) также не выделял трудовых артелей в особую группу, очевидно, по тем же соображениям, коих придерживался комментатор закона от 20 марта.

Только в 1923 г. ВЦИК'ом и Совнаркомом было издано постановление от 9/V («С. У.» № 41, ст. 449), где предусматривался обычный для промысловых кооперативов порядок регистрации трудовых артелей, но с обязательной предварительной визой отделов труда.

Постановление это, хотя и ставило под наблюдение отделов труда открытие действий трудовых артелей, тем не менее оставляло неразрешенными ряд вопросов, главным образом относящихся к твердому разграничению трудовых артелей от прочих видов кооперативных организаций и к установлению пределов распространения на членов артелей правовых норм Кодекса законов о труде.

Все эти проблемы были восполнены в постановлении ВЦИК'а и СНК от 15/XII—24 года.

Постановление это вносит настоящий переворот в существовавшее до последнего времени понятие о юридической природе трудовых артелей и устанавливает определенные границы между трудовыми и промысловыми артелями.

Впервые в нашем законодательстве дается ясное определение трудовой артели, как объединения лиц для совместной организации и предоставления в наем их физического или интеллектуального труда с выполнением работ, как общее предприятие, из материалов нанимателя.

Отличительными особенностями трудовой артели, главным образом, являются: а) применение труда своих членов (главным образом) в порядке найма, б) использование своего труда без наличия орудий производства или при помощи самых простых орудий (топор, пила, лопата и пр.)²⁾, в) выполнение работ, как правило, из материалов заказчиков и, как исключение, из своих материалов.

Исходя из определения артели, как объединения лиц, кооперирующих исключительно свой труд, но не имеющих и не могущих иметь капиталов, законодатель ограничивает право артелей на получение подряда на сумму не свыше 5000 рублей.

Предоставляя артели право брать работы как в порядке трудового договора, так и в порядке подряда, декрет все же ставит ее в совершенно иное положение, чем промысловую артель, так как считает, что трудовое начало в трудовой артели даже при получении подряда превалирует над предпринимательским. Поэтому при привлечении трудовой артели к работам даже в порядке подряда правление артели должно исполнять основные нормы охраны труда: а) соблюдать постановления по технике безопасности промышленной санитарии, гигиене и охране труда женщин и несовершеннолетних, б) уплачивать страховые взносы на врачебную помощь и страхование от несчастных случаев, исходя из размеров вознаграждения, предназначенного на оплату членов артели.

Красной нитью в декрете проводятся правила, препятствующие проникновению в артель предпринимательского (подряднического) элемента и превращению самой артели в капиталистическую организацию: совершенно запрещается состоять членами артелей лицам, эксплуатирующим наемный труд с целью извлечения прибыли; право приглашения на службу в артель посторонних лиц по сравнению с промысловыми кооперативными товариществами сокращено до 10% всего состава артели; ограничены права артели, как юридического лица, только такими действиями, которые необходимы для достижения целей, предусмотренных декретом и уставом артели. В нормальном же уставе трудовой артели («Изв. НКТ» от 4/VII—25 г. № 27—28) определенно указывается, что артель не пользуется правом приобретения изделий или материалов, не предназначенных для выполнения производимых артелью работ.

Существеннейшей частью постановления от 15/XII является отличный от других кооперативных организаций порядок организации трудовых артелей. Уставы трудартелей регистрируются в комиссии при ближайшем участии в них с правом решающего голоса представителей губотделов труда. Кроме этого, экземпляр устава артели из регистрационной комиссии препровождается на заключение в местный отдел труда, который при разрешении вопроса о допустимости регистрации устава руководствуется, как формальными соображениями соответствия устава артели существующим законам, так и данными о состоянии рынка труда в определенной местности. Разногласия между отделом труда или его представителями в реги-

²⁾ Признак этот указан в инструкции ВСНХ и НКТ РСФСР от 23/V—25 г. № 158/1028 «о порядке перерегистрации трудовых кооперативных товариществ», («Изв. НКТ» № 27, 28 1925 г.).

¹⁾ Юридический спутник кооператора, стр. 10.

страционной комиссии с остальными членами последней по вопросу регистрации устава рассматриваются президиумом губисполкома при обязательном участии представителей губотдела труда, губпрофсовета и губсовнархоза. Таким образом, организация трудовых артелей ставится в зависимость от разрешительной визы отделов труда, которые, приняв, например, во внимание, что в данной области труда имеется значительное количество безработных, что спрос на труд может с избытком быть удовлетворен наличными безработными, — вправе дать отрицательное заключение по уставу.

Приведенный декрет, несмотря на довольно тщательную разработку всех вопросов, касающихся трудовых артелей, страдает, однако, некоторой неполнотой. Существенным дефектом его является отсутствие регламентации так называемых бытовых артелей¹⁾.

Постановлением от 15/XII предусмотрено существование только официально зарегистрированных уставных артелей. Между тем, на рынке труда сплошь и рядом фигурируют артели, нигде не зарегистрированные, не имеющие своего устава, представляющие собой просто группу лиц, объединившихся для совместного труда.

Необходимость законодательного оформления подобных артелей можно иллюстрировать на любом примере.

Группа плотников берет на себя обязательство выстроить дом или сарай из материалов заказчика, при чем на нее же возлагается материальная ответственность за правильность производимых работ.

Как оформить взаимоотношения этой группы с нанимателем? С точки зрения формальных требований закона подобный договор должен быть заключен со всей группой с поименным перечислением каждого рабочего, входящего в группу, или

же с одним ее уполномоченным. В последнем случае возникает вопрос о порядке избрания уполномоченного, о способе выдачи ему доверенности и ее засвидетельствовании. Выполнение всех указанных формальностей ставит большей частью в безвыходное положение рабочих и нанимателя. Но помимо этих затруднений возникает другой особой важности вопрос: к какому виду договоров следует отнести соглашение между указанной группой рабочих и нанимателем. Имеется ли здесь трудовой договор или договор подряда? С одной стороны, взаимоотношения сторон в приведенном примере, поскольку группа рабочих предоставляет нанимателю только свою рабочую силу (материалы дает последний), могут квалифицироваться, как трудовой договор, с другой — при наличии ответственности рабочих за убытки — мы имеем как бы договор подряда.

Правильное разрешение этого вопроса имеет не только теоретическое, но глубоко практическое значение, так как от того или иного заключения зависит выполнение по отношению к рабочим соответствующих норм Кодекса законов о труде (внося по социальному страхованию, отпуска, расчетные книжки и пр.).

Указанный пробел в нашем законодательстве ставит в затруднительное положение как хозяйственные органы и органы охраны труда, так и самих трудящихся. Отсутствие в данном случае определенных правовых норм создает почву для серьезной эксплуатации некоторых категорий рабочих, лишает их трудовых гарантий, создает недонустимую конкуренцию между различными группами предлагающих свой труд и наносит немалый ущерб работе профессиональных союзов в деле сплочения и организации трудящихся.

Я. Цыпин.

Может ли защитник отказаться от защиты во время судебного следствия?²⁾

Поднятый статьями т.т. Элькинд и Кауфмана и Какителашвили³⁾ вопрос о праве защитника или, вернее, об обязанности его отказаться в известных случаях от защиты представляет значительный интерес, однако, разрешается, как мы полагаем, в ином смысле, чем это делают названные товарищи.

Ими, в особенности автором второй статьи, смешивается понятие «методов защиты» с «задачами защиты». Хотят бить по уродливым методам защиты — бьют по задаче.

Правильно, что задачи суда и советской защиты совпадают; неправильно, что пути к осуществлению этих задач одинаковы.

¹⁾ Указание инструкции НКТ и ВСНХ от 23/X—25 г. № 57/1027 («Изв. НКТ» № 27—28) о том, что бытовые артели могут учреждаться по письменным и словесным договорам, не могут восполнить этого пробела, так как ни порядок организации, ни юридическая природа этих договоров не указаны.

²⁾ Печатается в дискуссионном порядке. Редакция.

³⁾ «Еженедельник Сов. Юстиции» № 23 и «Еженедельник Сов. Юстиции» № 29.

Правильно, что защитник не должен «заводить волюнку»; неправильно, что не следует говорить о мотиве преступления, связанном с сильными «душевыми переживаниями».

Правильно, конечно, что закон знает обязательное участие защиты (ст. 55 У. П. К.); неправилен и неожидан вывод, что защитник по действующему праву может отказаться от защиты.

Т.т. Элькинд и Кауфман, очевидно, сознают, что их выводы во всяком случае противоречат действующему праву. Отсюда их пожелания в конце статьи о «переработке» У. П. К.

В самом деле, закон не только знает в определенных случаях обязательное участие защиты, но и требует отмены приговора в случае отсутствия таковой (ст. 415 У. П. К.). Поэтому утверждать с точки зрения нашего закона, что защитник может отказаться от защиты, невозможно. Ведь нельзя же в самом деле, признавая, как это делают авторы первой статьи, что «если есть обвинитель, то должен быть защитник», утверждать, что обязанности за

щитника могут свестись к... отказу от защиты. Он не должен искать «всегда оправдательных зацепок». Верно. Но он должен защищать.

Следовательно, речь может идти только о том, надлежит ли изменить ныне действующий закон. Мы полагаем, что задачи советской защиты этого не требуют.

Прежде всего надлежит категорически возражать против деления в процессе выполнения своих обязанностей защиты по «назначению» и защиты по «соглашению», как это делает тов. Какителашвили.

Нам представляется, что защита по соглашению допускает отказ от принятия дела, если подсудимый «тяжко болен» и защитнику неприятно, нежелательно рыться в гною раны для того, чтобы, отделяя омертвевшие, выскидывать немногочисленные здоровые ткани. В защите по назначению он обязан это делать независимо от того, приятно ему это или нет. Он должен выполнить свою общественную обязанность. Но, приняв защиту по назначению или по соглашению, он не вправе делать какие-либо различия, как по системе защиты, так и по напряженности подготовки. Два способа принятия дел не создают принципиальной разницы в задачах защиты.

И если защитник не бывает осведомлен «даже за час-другой до заседания ни о сути дела, ни о роли в нем его будущего подзащитного», как об этом пишет тов. Какителашвили, то отсюда следует только, что если это произошло по невнимательному или небрежному отношению защитника к делу, то он несет дисциплинарную ответственность; если же это следствие особой спешности в технике назначения защиты, то этот недостаток должен быть устранен всеми способами вплоть до требования отложения дела для того, чтобы защитник мог добросовестно выполнить свои обязанности.

Моск. губсуд эту возможность по общему правилу защите предоставляет. И защитник во всех случаях должен знать дело, точку зрения на способ защиты подсудимого, должен продумать основания и метод защиты.

В дальнейшем наше рассуждение относится в одинаковой мере к защите как по соглашению, так и по назначению.

Какой процессуальный момент допускает и делает целесообразным отказ защитника от защиты? Конечно, это невозможно до начала судебного следствия: свидетель может врать, документ может оказаться подложным, экспертиза судебная может разбить предварительную — короче, данные судебного следствия могут опрокинуть и не так уж редко опрокидывают материалы предварительного следствия.

Во время судебного следствия? Если иметь в виду, что стороны производят все процессуальные действия для уяснения судом виновности и степени ответственности обвиняемого, то, очевидно, защитник, не предприняв приговора, не может этого сделать во время судебного следствия, так как, во-первых, если в процессе судебного разбирательства дальнейшее собирание доказательств (свидетельские показания) станет для суда ненужным в виду ясности дела, губсуд определяет это в порядке 394 ст. У. П. К. Поскольку же это не сделано, очевидно, дело требует дальнейшего собирания до-

казательств, не выяснено, как же может защитник заявить о том, что ему уже ясен вопрос о виновности подсудимого, отказываясь от защиты. Во-вторых, до самого последнего момента судебного следствия возможно, — и практика не бедна этими случаями, — когда какое-нибудь отдельное доказательство в самом конце судебного следствия совершенно меняет картину всего процесса.

Значит после окончания судебного следствия защитник может отказаться от защиты, т. е. от «речи»? Но и здесь в случае ясности дела суд в порядке 396 ст. У. П. К. устраняет прения, а если этого нет это значит, что дело суду в той или иной области недостаточно ясно, т. е. обвинение и защита обязаны систематизировать, поставить в стройную логическую связь все обстоятельства по делу и в своих объяснениях доложить о них суду. Мы считаем, что в кассационной инстанции, где дело не рассматривается по существу, защитник при отсутствии кассационных поводов не только может, но и должен не выступать. Наш закон правильно не знает обязательной защиты в касс. инстанции и при наличии прокурора. (Иные задачи прокурора, дающего заключения по делу). И процессуальным моментом «отказа от защиты» должно быть вступление в дело защитника.

Верно замечание авторов первой статьи, что представители дореволюционной адвокатуры в радикальной ее части, находясь в оппозиции к царизму, видели свое призвание в том, чтобы не дать последнему проявить свою «внеклассовую» справедливость. Мы полагаем, что и «пафос» уголовной защиты в буржуазном суде был основан на том, что уголовный адвокат всегда защитил «жертву буржуазного строя». Отсюда — задача защитника вырвать обвиняемого во чтобы то ни стало из рук правосудия. Отсюда и те методы защиты, которые применялись в старых судах. Верно, как мы указали, что конечные цели в работе советского суда и советской защиты одни; конечно, и защита обязана «быть классово-справедливой», но пути, по которым идут прокуратура, суд и защита, различны: «судья иначе работает, чем следователь и прокурор, который изыскивает все мотивы (курсив наш. А. Л.) и доказательства преступления, которое совершено. Судья же не может на основании только этих данных и доказательств прокурора решать вопрос, он должен выслушать и адвоката, по после того, как он всех выслушает, у него должна быть мысль свободная...» (из речи председателя ЦИК СССР т. Калинина на V Съезде раб. юстиции). Поэтому мы полагаем, что защитник не только может, но и обязан собирать по делу только те доказательства, которые устраняют или смягчают ответственность подсудимого. Ближайшая цель в процессе защитника и в настоящее время может быть определена формулой А. Ф. Коши: «Защитник должен доказать, что подсудимый или вовсе не виновен, или виновен вовсе не в том, как и в чем его обвиняют». Конечно, в эту формулу должно быть вложено в настоящее время иное содержание в соответствии с теми классовыми целями, которые преследует советский суд, и отсюда разница, коренная разница в методах советской уголовной защиты. Защитник, стремясь совместно с судом определить ту меру карательного возде-

ствия, которая необходима для охраны советской государственности от посягательств данного лица, не может, защищая, прибегать к искусственному затупиванию обвинительного материала, искусственному созданию доказательств невиновности, не может «передергивать», не должен стремиться пробудить сострадание в судьях только для того, чтобы «притупилось лезвие меча в руках рабочего класса» и во всем остальном методы современной защиты должны быть отличны от старой¹⁾. Конечно, вопреки мнению тов. Какителашвили, защитник ни в коей мере не может быть связан и с той системой защиты, которую избрал его подсудимый, и, примерно, в случае явного установления совершения деяния подсудимым не может и не должен идти за подзащитным и доказывать противное фактам. Но это, конечно, не значит, что он должен отказаться от защиты, от правильной защиты, которая в интересах самого же подсудимого требует признания фактов, но в ином освещении, чем это делает прокуратура.

В сущности вопрос об отказе от защиты сводится к тому, как защищать тогда, когда факт преступления и возможность его вменения в вину подсудимому доказаны?

Но ведь остается еще весьма важная область, которую должен исследовать суд и помощь в которой вдумчивая и политически грамотная защита всегда может оказать. Это — область карательного воздействия. Род и мера репрессий. В наше переходное время преступление, к сожалению, все еще черпает своих солдат из «резервов армии пролетариата». И в интересах пролетарской государственности, чтобы грань карательного воздействия не была перейдена. А то, что эту задачу не так уж легко разрешить, что сплошь и рядом на этом пути встречаются ошибки, доказывает ряд постановлений высшего авторитетных органов: доклад о работе У. К. К., директивное письмо председателя У. К. К. Верховного суда. Возможны такие ошибки, как показывает практика, когда губсуд приговаривает человека к расстрелу, а высший орган, руководящий карательной политикой, Верховный суд предлагает освободить подсудимого из-под стражи... («Еж. Сов. Юст.» № 18). И в то время, как Верховный суд, как на одну из причин необходимости суду отказаться от обвинительного подхода (а ведь предложить — это еще не значит сразу изжить), указывает на то, что беднейшая часть населения не всегда может пользоваться услугами «опытного защитника», авторы статей

предлагают в известных случаях оставлять подсудимого без защитника. И гр. Какителашвили, чувствуя и сознавая всю опасность предлагаемой им новеллы, хочет создать громоздкий и явно искусственный корректив «отложения слушания дела на срок подыскания нового защитника...» (но если первый защитник «справедливо» и «по совести» отказался от защиты, то почему же должен найтись другой «бессовестный»?) Или предлагается институт обязательного ревизионного пересмотра дела только потому, что «ультра-порядочный» защитник отказался от защиты...

Ст. ст. 24 и 25 Уг. Код. не всегда в поле зрения суда, и зачастую требуется фиксирование на них внимания суда²⁾. И авторы статьи, очевидно, хорошо знакомые с догмой и духом советского права, или недооценивают руководящих указаний 24 и 25 ст. ст. У. К., или снова смешивают «метод защиты» с «задачей защиты». Их удивляет: защитник говорит о преступнике «обуреваемом сильной душевной тревогой». Оно конечно, если защитник слащаво и по опереточному говорит о мотиве преступления, его метод защиты уродлив, в советском суде вреден. Если же он к делу и толково указывает на мотив преступления, в частности на «залапчивость» или «сильное душевное волнение», то этим он выполняет свою задачу как защитника и требование закона. (См. напр., ст. 25, пункт «и», и ст. 144 У. К.).

Защитник не только может, но и обязан для определения социальной опасности преступника добросовестно проделать трудную работу по собиранию тех защитительных данных, которые он может найти в классовом положении обвиняемого, его личности, в обстановке совершения преступления, в невежестве или неграмотности подсудимого, легкомыслии, состоянии нужды — словом, во всех тех многообразных обстоятельствах, о которых говорят ст. ст. 24 и 25.

Собрав эти данные, он представляет их усмотрению социалистического правосознания суда. От его понимания задач карательной политики данного момента, от его чуткости зависит требовать того или иного смягчения наказания подсудимого, но тщательно собирать эти данные, иногда не делая из них даже выводов о мере наказания, защитник обязан всегда. Отказываясь от этого, отказываясь от защиты, он не выполнит своего долга служения советскому правосудию.

Ал. Левин.

¹⁾ Вопрос о методах советской защиты на суде давно назрел и заслуживает, по нашему мнению, специальной дискуссии.

²⁾ О значении ст. 25 У. К. для определения меры социальной защиты, см. статью члена Верховного суда т. Рогинского в № 21 «Е. С. Ю.»

Народный судья, как общественник.

(По материалам отчетов губернских и областных судов РСФСР за I и II четверти 1925 года).

На ряду с исполнением своей непосредственной повседневной работы по отправлению правосудия народные судьи являются одновременно проводниками советской общественности в массы населения: они связаны с массами рабочих и крестьян как корнями своего классового происхождения, так и постоянной интенсивной работой в массах по директивам партии и судебных центров на местах, губернских и областных судов.

Положение пролетарских судей по отношению к партии и к массам и характер их повседневной работы, естественно, возлагают на них серьезные обязанности по несению широкой общественно-политической работы.

Важность этой стороны работы в массах учитывалась судработниками на протяжении всего периода деятельности пролетарского суда. Однако, материальные условия работы суда, почти повсеместная загрузка, организационная работа, в частности, связанная с перерайонированием, существенно препятствовали планомерному выполнению общественно-политической работы в массах. Этим объясняется то обстоятельство, что за первое полугодие 1924 года можно было отметить деятельность в указанном направлении лишь 3 — 4 губсудов (Саратовского, Ленинградского, Гомельского, Костромского) (см. основные итоги работы губернских (областных) и народных судов РСФСР в 1924 г., стр. 38).

С провозглашением лозунга «лицом к деревне» наблюдается повсеместно в Республике значительное оживление, углубление и расширение общественно-политической работы судей. Судебные работники глубоко прониклись пониманием исключительной важности и срочности ведения работы по правовому воспитанию масс, и в направлении укрепления революционной законности и развития подлинной советской общественности через правовое воспитание масс и проявляется, главным образом, общественная работа судработников на местах.

В 1924 году мы наблюдаем зачаточные формы работы судей и следователей в массах населения по ознакомлению их с советским правом. Работа носит еще преимущественно случайный, бессистемный характер. Надлежащего учета ей не ведется. Сведения об общественной деятельности получаются в НКЮ случайные.

В 1925 году общественно-политическая работа народных судей и следователей принимает все более организованный характер, производится по определенному плану, получает направление и руководство со стороны губернского (областного) центра, постепенно подвергается все более точному учету, освещается в квартальных отчетах народных судей и губернских и областных судов, а также нередко получает освещение на страницах местной прессы.

По примеру Народного Комиссариата Юстиции, впервые указавшего основные организационные вехи общественной работы в деревне в циркуляре за № 37—1925 г., губернские и областные суды издали ряд циркуляров, инструкций, наказов, которыми они направляют работу местных судработников по надлежащему руслу правового и политического просвещения масс. В общем циркуляры и инструкции губ. (обл.) судов о работе в деревне идут по пути организации планомерной, систематической работы, намечают основные организационные формы работы по популя-

ризации права и советской государственности, указывают важнейшие темы для бесед с крестьянами и докладов на собраниях трудящихся, поощряют отчетные доклады народных судей и следователей перед местными органами и населением о своей работе, требуют проявления активности и усиления общественной деятельности.

Само-собой разумеется, что достаточно полного развития и углубления работа по ознакомлению населения с советским правом, его классовой основой и преимуществами для трудящихся, по углублению в массах понимания сущности советского права и строения государства рабочих и крестьян может достигнуть одновременно с поднятием квалификации низовых судебно-следственных работников и нормализацией их труда по непосредственным обязанностям в системе советских учреждений. Задача широкой общественно-политической работы судей и следователей в гуще крестьянского населения требует в первую очередь улучшения материального положения судебно-следственных участков, увеличения средств на разъезды, всемерной помощи в этом направлении местных органов власти, разгрузки судей и следователей от непосильного количества дел и должного внимания со стороны более опытных судебных работников губернского (областного) центра к постоянному углублению знаний низовых работников.

Однако, и в настоящих условиях данные с мест, потерпанные из отчетов губернских и областных судов о их деятельности за первый квартал, и частичные данные отчетов за второй квартал 1925 года, свидетельствуют о несомненном росте общественно-политической работы судработников как в количественном, так и в качественном отношении.

Учет этой чрезвычайно важной деятельности еще не налажен надлежащим образом. Почти везде на местах ведется большая повседневная работа судьями и следователями по правовому воспитанию масс и вовлечению их в русло советской общественности, однако, не всегда она достаточно полно и своевременно освещается в периодических отчетах.

Наркомю постепенно принимает меры к полному учету проделанной местами работы в указанном направлении, поощряя одновременно все возможные организационные формы общественной деятельности, рождаемые живой практикой мест, не стесняя ни в коей мере инициативы мест.

Материалы полученных в НКЮ отчетов о работе судов в течение первого полугодия 1925 года следующим образом характеризует общественно-политическую деятельность низовых судработников: **Адыгейский областной суд** в марте 1925 г. издал циркуляр за № 4 о широком вовлечении судработников в общественную работу. Систематически проводятся на местах беседы с населением по правовым вопросам. Работа по ознакомлению населения с советским правом продолжается уже 2-й год. Доклады о работе суда в местных исполкомах делались не везде, поэтому областной суд циркуляром за № 5 вновь предписал народным судьям производить в исполкомах доклады о своей работе. В том же циркуляре предложено народным судьям продолжать беседы с населением по правовым вопросам, возможно чаще, привлекая к этой работе женщин-горно-

Беседы проводятся по земельному, уголовному, семейному праву и пр. правовым вопросам. За первую четверть 1925 года было проведено 28 таких бесед. «Особенное внимание в беседах уделялось вопросам раскрепощения женщины-горянки, земельным отношениям и трудовым договорам» (см. отчет о работе Адыгейского областного суда за I четверть 1925 года). На каждом собеседовании присутствовало в среднем 100—150 человек. Кроме нарсудей, беседы по вопросам права проводили и нарзаседатели, с которыми, в свою очередь, работали по изучению права нарсудьи. За первое полугодие 1925 г. проведено нарсудьями свыше 36 бесед по правовым вопросам. Две беседы проведены на черкесском языке, более понятном для горского населения. (См. отчет за II четверть 1925 г.).

В **Амурской губернии** по отчету губсуда работа в деревне проводится по мере возможности, однако, точных сведений о ней не дается. Губисполком постановил привлекать всех нарсудей к участию с совещательным голосом на всех заседаниях ГИК'а, с дачей ими заключений по правовым вопросам. Предложено всем нарсудьям проводить с крестьянами при каждой сессии беседы по правовым вопросам. Работа в деревне затрудняется обширностью судебных участков (расстояние от одного участка до другого 360 верст). Нарсудьи ставят по согласованию с губсудом показательные процессы. Губсудом предложено нарсудьям провести с крестьянами как при участках, так и в выездных сессиях беседы о наемном труде в деревне, о крестьянских обществах взаимопомощи, об организации государственной власти в селе, о земельном праве, лесных законах и пр.

Отчет о деятельности **Астраханского губсуда** отмечает, что нарсудьями делаются периодические доклады на расширенных собраниях ВИК'ов, сельсоветов, парторганизаций. Судьи принимают активное участие в работе кооперативных, профессиональных и культурно-просветительских организаций.

В **Брянской губернии**, по данным отчета губсуда, производились нарсудьями доклады в ВИК'ах; за I четверть 1925 года проведено нарсудьями 8 совещаний с нарзаседателями. На совещаниях основательно разбирались вопросы советского права. Членами губсуда сделано точно также до 10 докладов на широких собраниях трудящихся.

Вологодский губсуд в своем отчете о деятельности за I квартал 1925 года указывает, что нарсудьи за время январь—март 1925 года сделали 64 доклада в местных ВИК'ах и сельсоветах и собеседования по вопросам права на беспартийных конференциях женщин. Кроме того, устраиваются на местах нередко вечера вопросов и ответов на интересующие крестьян правовые темы. Эта форма правовой пропаганды получает широкое распространение и охотно принимается крестьянами. Крестьяне активно участвуют в собраниях и задают докладчикам много вопросов. Ответы судработников удовлетворяют население.

Из отчета **Вятского губсуда** третьему губернскому съезду работников юстиции усматривается, что в то время как «отрицательным явлением в деятельности народного суда в 1924 году была слабо развитая общественная деятельность», последние отчеты народных судей о их деятельности в 1925 году значительно полнее отражают общественно-политическую работу судей: «по большинству уездов многие народные судьи в селах и деревнях за отсутствием членов коллегии защитников оказывают населению юридическую помощь, целый ряд нарсудей сообщает, что оказание юридической помощи занимает значительное место в их постоянной работе; все чаще и чаще представляются в отчетах сведения о регулярных докладах нарсудей в парторганах и на пленумах горсоветов и волсполкомов о работе суда; некоторые нарсудьи уже

приступили к организованным занятиям с нарзаседателями путем устройства бесед, на которых объясняют заседателям их права и обязанности и основные положения права, и, наконец, ряд народных судей ведет систематическую учебу с работниками местной милиции по ликвидации среди них правовой неграмотности». (См. протоколы 3 Вятского губернского съезда судработников, стр. 27 и 48—51).

Губсуд сообщает, что среди докладов об общественной деятельности «выгодно отличаются доклады нарсудей Халтуринского, Котельничского и Уржумского уездов». Некоторые участки нарсудов указанных уездов губсуд считает образцовыми по общественной работе. В числе образцовых общественников в отчете губсуда указываются нарсудья 3-го участка Халтуринского уезда, нарсудья 6 уч. Уржумского уезда. С другой стороны, отчет отмечает, что некоторые нарсудьи в своих отчетах об общественной работе «отделяются стереотипными выражениями». Это относится к судьям Слободского, Малмыжского и Омутнинского уездов. (См. протоколы съезда, стр. 50). Губернский суд принял ряд мер к вовлечению судей в общественную работу и устранению недостатков в последней. Рядом циркуляров губсуд требует от народного судьи систематической работы в деревне и отчета в проделанной работе. Издан особый сводный циркуляр-вопросник всех существенных моментов работы судьи в деревне.

Губсуд добивается «самым энергичным образом исполнения нарсудьями указанных в циркуляре мероприятий».

По данным сводного отчета о деятельности нарсудов губернии за I квартал 1925 г. нарсудьями проведены доклады в исполкомах о работе суда и устроен ряд совещаний с нарзаседателями для изучения права.

В **Гомельской губернии** почти все нарсудьи принимают живое участие в работах избы-читальни, школьных комиссиях, меллоративных обществах, лизовой кооперации и т. д. Они несут общественную работу путем ведения бесед, оказания юридической помощи и фактически участвуют в работе указанных органов.

По данным отчета губсуда о работе за I и II четверти 1925 года нарсудьи губернии ведут систематическую беседу, делают доклады в ВИК'ах, на собраниях трудящихся, перед началом судебного заседания в зале суда, устраивают собеседования с нарзаседателями. В то время, как в отчете за I четверть года еще нет точных данных о количестве проведенных нарсудьями докладов и бесед на правовые темы, данные о работе за II четверть 1925 г. говорят о значительной общественной работе судей; специальные собеседования с крестьянами по вопросам права за II четверть 1925 г. проведено 100, прочитано 20 лекций в клубах и народомах по земельному, гражданскому, уголовному, семейному и административному праву, сделано 20 докладов в ВИК'ах о работе суда, проведено 15 собеседований с нарзаседателями.

В **Енисейской губернии** согласно постановления губернского съезда работников юстиции предлагается усилить устройство показательных процессов и выездных сессий. Созываются уездные совещания для изучения результатов работы судсудработников в деревне и установления плана дальнейшей работы.

Отчет **Забайкальского губсуда** о работе за II четверть 1925 года отмечает, что в уездах за время апрель—июнь прочитано нарсудьями, нарследователями и членами губсуда 66 докладов по правовым вопросам. В доме крестьянина проведено 5 бесед с крестьянами по интересующим их вопросам права.

В одном сессии нарсудьям ежемесячно ставится жилой журнал «Голос судебного работника».

Иваново-Вознесенский губсуд в своем отчете сообщает, что нарсудьями делались доклады на совещаниях с нарзаседателями по женскому праву, о браке, семье и опеке, о судоустройстве и другие. Губсудом помещались статьи в газетах, освещающие работу суда. Председатель и заместитель председателя губсуда были командированы на три месяца в деревню для обследования нарсуда, выяснения недостатков низового судопарата и подлежащей его постановки. Количество докладов и выступлений нарсудей на широких собраниях увеличилось, судьи стали прини-

мать большее участие в работе изб-читалеп, справочного юридического стола. Повсеместно ведутся беседы с нарзаседателями по правовым вопросам. Беседы с крестьянами на темы семейного, земельного, лесного права и проч. приравливаются к выездным сессиям. Последнее время значительно увеличилось количество выездных сессий и показательных процессов. Работа организуется и развивается.

(Продолжение следует).

Е. Домбровский.

Обзор советского законодательства за время с 11 по 20 сентября 1925 г.

А. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА СССР.

1. Президиум ЦИК СССР 21 августа принял постановление о конкурсе на сооружение памятников В. И. Ленину («Изв. ЦИК СССР» от 16 сентября, № 211), которые должны быть сооружены, согласно постановления 2-го Всесоюзного Съезда Советов, в Москве, Ленинграде, Харькове, Тифлисе, Минске и Ташкенте. Постановление подробно определяет задание (форму, материал и т. д.), порядок конкурса (участники по приглашению и по личному желанию), сроки подачи проектов и проч. условия конкурса.

2. Постановление ЦИК и СНК СССР от 4 сент. с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 11 сент., № 207) «о документах, выдаваемых товарными складами в приеме товаров на хранение», вводит у нас институт, известный торговому законодательству иностранных государств, существовавший в дореволюционном законодательстве России.

Подробное рассмотрение этого законодательного акта требует специальной статьи в «Е. С. Ю.», и здесь можно ограничиться лишь самыми общими указаниями. Товарные склады могут принимать товары на хранение как с обозначением товара, так и без обозначения. При этом они выдают или свидетельства, если им предоставлено на это право Наркомвнуготом СССР или союзных республик, или лишь квитанции.

Свидетельства допускаются двух родов: двойные и простые. Первые могут быть только именными, вторые — только на предъявителя. Первые состоятся из двух отдельных частей (свидетельства): складочного и залогового, и могут передаваться (вместе и порознь) по именным или бланковым передаточным надписям, при чем в отношении формы подписей, удостоверения прав держателя свидетельства, перехода прав к приобретателю, а также срока и порядка предъявления залогового свидетельства к платежу и учинению протеста в платеже применяются правила, установленные для векселей. Передача простых складочных свидетельств производится путем вручения свидетельства.

Передача товаров, стоящих под квитанцией, производится на основании трансферта по книгам торгового склада. Трансферт производится по заявлению приобретателя, который обязан представить квитанцию с передаточной надписью на его имя.

3. Постановление ЦИК и СНК СССР от 11 сент. с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 19 сентября, № 214) «об изменении ст. 134 временного положения о местных финансах» изменяет прежний порядок, согласно которому запасный фонд на выдачу субсидий и покрытие дефицита образовывается

лишь по губернскому (областному) бюджету, и устанавливает порядок образования губернских (областных) и уездных (окружных) фондов, путем отчислений (по 3%) от бюджетов более мощных административных единиц (полостей, уездов) и предоставляет право местным советам включать в расходную часть бюджета ассигнования на покрытие непредвиденных расходов в размере не свыше 2% общей суммы расходов по данному бюджету.

4. Постановление ЦИК и СНК СССР от 4 сент. («Изв. ЦИК СССР» от 18 сент., № 213) «об утверждении правил обложения уравнительным сбором государственных трестов и синдикатов, акционерных обществ (паевых товариществ), банков, обществ взаимного кредита и союзов кооперативов» вносит довольно существенные изменения в действующие до сего времени правила этого обложения («С. У.» 1923 № 5, ст. 89, прил. 7, № 39, ст. 421, и № 100, ст. 990). Исчисление уравнительного сбора возлагается на особую комиссию при губфинотделах под председательством заведующего налоговым управлением (подотделом) и при участии в составе комиссии представителя губернского суда. Правила подробно устанавливают представление отчетов и сведений об оборотах, на основании которых комиссия производит определение размера уравнительного сбора как по предприятию в целом, так и по его отдельным частям. Непредставление в срок отчетов, а равно дополнительных сведений влечет наложение штрафа подлежащим фирмам; жалобы на постановления налоговой комиссии приносятся в губернскую налоговую комиссию, а на последнюю — в НКФинны соответствующей СССР. Оклад уравнительного сбора вносится в два срока: через 10 дней по получении извещения об установленном окладе и через три месяца после этого срока.

5. Постановление СНК СССР от 24 авг. с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 16 сент., № 211) «об изменении ст. 2 правил взимания ренты с земель городских и предоставленных транспорту» касается некоторого изменения в перечне земель, освобождаемых от уплаты этой ренты, установленным декретом СНК СССР от 19 мая 1924 г. («С. У.» 1924, № 64, ст. 644).

6. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 11 сент. с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 15 сент., № 210) о размерах ставок местного налога с грузов, привозимых и вывозимых по водным путям для г. Баку в навигацию 1925 г., вводится некоторое изъятие в установленные размеры этих ставок.

7. Постановление СТО СССР от 26 авг. с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 15 сент., № 210) касается предоставления государственным и кооперативным учреждениям и предприя-

тиям, а равно акционерным обществам с преобладающим участием государственного капитала права получения товаров с отсрочкой платежа таможенных пошлин. Отсрочка допускается на срок не свыше двух месяцев.

8. Постановлением СНК СССР от 1 сент. с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 19 сент., № 214) отменяет запрещение о вывозе за границу шерсти («С. З.» № 10—1924 г., ст. 101), шершавой, трубой овечьей и верблюжьей.

9. Постановлением СТО СССР от 2 сент. с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 15 сент., № 210) НКФин СССР разрешен десятый выпуск государственных казначейских билетов на сумму сто миллионов рублей.

10. Постановлением СТО СССР от 26 августа с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 15 сент., № 210) введено в Марманской губ. обязательное страхование на 1924—1925 г.

11. Постановлением СТО СССР от 26 августа с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 12 сент., № 208) «об изменении и дополнении постановлений об обязательном страховании в отношении некоторых сельских местностей РСФСР и БССР» вносит изменения, касающиеся страхования крупного рогатого скота и лошадей в отдельных местностях указанных республик.

12. Постановлением СНК СССР от 18 августа с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 11 сент., № 207) «о порядке проведения в жизнь ст. 3 постановления СНК СССР от 13 авг. 1925 г. о согласовании мероприятий по борьбе с эпизоотиями» на НКЗем союзных республик возложена обязанность ежемесячной посылки подробных сведений в НКЗем РСФСР о движении заразных болезней скота.

Б. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА Р. С. Ф. С. Р.

1. Одним из необходимых условий проведения на местах революционной законности является снабжение всех низовых государственных органов законодательным материалом. ВЦИК и СНК РСФСР, идя навстречу осуществлению этой потребности, приняли постановление от 31 августа с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 18 сент., № 213) «об обеспечении районных и волостных исполкомов и сельских советов необходимым законодательным материалом». На НКЮ возложена обязанность за счет государственного бюджета издать и разослать по вышам и райкам «Собрание Узаконений и Распоряжений Раб. и Кр. Прав.» и «Собрание Кодексов РСФСР», а по сельсоветам сокращенный сборник кодексов. Кроме того, признано необходимым снабжение вышам и райкам «Известиями ЦИК и ВЦИК». Губисполкомам предложено включить в бюджет 1925—26 г. расходы по снабжению вышам и райкам «Известиями», так и «Собранием Узаконений», с тем, чтобы последнее отпущалось НКЮ со скидкой 50% против нормальной подписной цены, но не свыше 6 руб. в год.

2. Очень большое число издаваемых ВЦИК и СНК законодательных актов содержит в себе указание на издание по их применению различными ведомствами соответствующих инструкций. Практика показала, что издание таких инструкций нередко весьма и весьма затягивается, чем крайне затрудняется проведение в жизнь указанных законодательных актов. В целях ускорения этого явления ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление от 31 августа с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 19 сент., № 214) «о сроке издания ведомственных инструкций по применению постановлений ВЦИК и СНК РСФСР». Срок этот установлен в две недели со дня опубликования законодательного акта, если в последнем не содержится прямого указания на иной срок издания инструкции.

3. Весьма важно постановление ВЦИК и СНК от 7 сентября с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 13 сент., № 209) «о порядке прекращения дел за неплатеж единого сельско-хозяйственного налога», принятое в связи с постановлением III сессии ЦИК СССР и III Всероссийского Съезда Советов о снижении единого сел.-хоз. налога. Этим постановлением не только прекращается производство всех дел (в судебном, следственных и административных органах) о привлечении крестьян за неплатеж натурального и единого сел.-хоз. налога в кампании до 1924—25 г., но аннулируются все приговоры и постановления по таким делам, еще не приведенные в исполнение, и при этом не только в части личных, но и имущественных взысканий. Обывающие лишнего свободы или принудительные работы подлежат условному досрочному освобождению. Изъято во исполнение таких приговоров или постановлений имущество, еще находящееся в распоряжении административных органов, подлежащее изъятию.

Проведение этого постановления (в трехмесячный срок) возлагается на особые уездные комиссии (в состав которых входят президиум уездного суда, участковый прокурор и уездный помощник губсуда), решения которых обязательны и не могут быть обжалованы. Комиссии предоставляется право отказывать в применении постановления по особо злостным неплательщикам, если это допускает состояние хозяйства осужденного.

4. Довольно существенное дополнение внесено в Практ. Проц. Кодекс в отношении порядка исполнения судебных решений. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 7 сент. с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 17 сент., № 212) «о дополнении ГПК РСФСР статьями 300а и 300б» устанавливается, что товары, описанные по взысканиям с государственных учреждений и предприятий, кооперативных организаций и вообще предприятий, обязанных публичной отчетностью, могут, по требованию как взыскателя, так и должника, продаваться на товарной бирже через маклеров не ниже цены дня, в течение 2-х недельного срока, по истечении которого не проданный товар может назначаться в продажу с публичных торгов. Товарные биржи могут отказываться от указанной продажи, если данный товар требует срочной продажи (скоропортящийся и т. п.) или не обращается на данной бирже, или не достигает установленной минимой биржевой цены, при чем НКВнутторгу предоставляется делать изъятия из этого правила для отдельных категорий товаров.

5. Принимая во внимание особые условия жизни в Якутской ССР, ВЦИК и СНК РСФСР постановлением от 24 августа с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 15 сент., № 210), «о дополнении ст. 250 Г. К. примечанием для Якутской республики» в порядке ст. 2-й постановления об изменении кодексов увеличили для этой республики срок, истечение которого прекращает поручительство: трехмесячный при прекращении иска по новому обязательству со дня наступления срока этого обязательства—на годовой, а годовой, со дня заключения обязательства, при обязательствах, срок исполнения которых не указан,—на трехгодовой.

6. ВЦИК и СНК приняли 9 сент. с. г. постановление «о мероприятиях, направленных к организации правильной торговли в северных окраинах РСФСР, и защите туземного населения от торговой эксплуатации со стороны частного капитала» («Изв. ЦИК СССР» от 19 сент., № 214). Этим постановлением на НКВнутторг и местные исполкомы и ревкомы Сибири и Севера РСФСР возложено сопоставление списков центральных и местных организаций (в том числе кооперативных), которым предоставляется право заготовок продуктов и сырья в этих местностях. Частный капитал может допускаться лишь там, где эти организации

не имеют достаточно мощного аппарата и не могут использовать местную кооперацию. Указанные учреждения могут также представлять на утверждение ВЦИК и СНК перечни районов, где должна быть вовсе воспрещена деятельность частных торговцев, ведущих заготовки.

7. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 7 сент. с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 19 сент., № 214) «об изменении статьи 2 положения о губернских (областных) отделах по внутренней торговле РСФСР» («С. У.» 1925 г. № 3, ст. 23) на эти отделы возложено ведение в установленном законом порядке реестра промышленных предприятий, а не только торговых, как предусматривал ранее п. «у» ст. 2 указанного положения.

8. В «Изв. ЦИК СССР» от 19 сент. № 214 опубликовано со значительным запазданием постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 4 мая с. г., устанавливающее, что не менее 40% распределяемой губисполкомами чистой прибыли от хозяйственных лесных разработок, производимых земснарядными (прил. 2-е к ст. 35 врем. пол. о мест. финансах—«С. З.» 1924 г. № 22, ст. 200), должно отчисляться в особый губфонд, предназначенный для расходовании исключительно на нужды лесного хозяйства.

9. Постановлением ВЦИК и СНК от 7 сент. с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 19 сент., № 214) «об изменении списка промышленных предприятий республиканского и местного значения» целый ряд предприятий по металлургической, горнотопливной, пищевой и иной промышленности, в числе более 30, исключены из списка предприятий республиканского значения и изъяты из ведения ВСНХ РСФСР с передачей в ведение автономных республик и местных исполкомов, по принадлежности.

10. На основании постановления СНК СССР от 2 июля об издании списка потерь в личном составе РККА и РККФ за время гражданской войны и выдаче населению справок на основании этих списков СНК РСФСР постановлением от 11 сент. с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 19 сент., № 214) «о выдаче населению справок и удостоверений о всех потерях личного состава РККА и РККФ за время гражданской войны» возложил эту обязанность (по мере поступления списков от военного ведомства) на местные исполкомы и

уездные управления милиции, при чем заявления граждан о выдаче справок могут быть словесные; справки и удостоверения освобождаются от гербового сбора.

11. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 7 сент. с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 17 сент., № 212) касается «передачи дела помощи демобилизованным в ведение Всероссийского комитета помощи инвалидам войны, больным и раненым красноармейцам и семьям лиц, погибших на войне», с одновременным упразднением ведавших до сего времени этим делом особых межведомственных комиссий. На указанный комитет возложено оказание этой помощи при совместном участии крестьянских обществ взаимопомощи под контролем местных исполкомов.

12. Постановлением ВЦИК и СНК от 31 авг. с. г. («Изв. ЦИК СССР» от 19 сент., № 214) «об отмене законов, утративших силу с изданием положения о въезде в пределы СССР и о выезде из пределов СССР» («С. З.» 1925 г. № 37, ст. 276—277), опубликован перечень этих законов и вместе с тем на НКВД возложено издание новой инструкции о выдаче общегражданских заграничных паспортов по согласованию ее с соответствующими общесоюзными ведомствами.

13. В «Изв. ЦИК СССР» от 19 сент., № 214, опубликован ряд постановлений СНК РСФСР от 11 сентября с. г., касающихся НКПроса: «о дополнении списка учреждений НКП, состоящих на госбюджете», «об изменении сети учреждений НКП» и «о дополнении списка научных, музейных и художественных и по охране природы учреждений, находящихся в ведении Главн. Управл. научных и научно-художественных учреждений НКП».

14. Постановлением СНК РСФСР от 7 августа («Изв. ЦИК СССР» от 17 сент., № 212) утверждена новая значительно сокращенная сеть государственных театров, цирков, театральных студий и школ.

15. В № 208 «Изв. ЦИК СССР» от 12 сент. опубликовано постанов. Президиума ВЦИК от 31 августа с. г., касающееся проведения в жизнь нового административного деления Тульской губернии, а в № 214 от 19 сент.—нового административного деления Рязанской губернии.

Сер. Аск—ов.

Из деятельности Верх. Суда РСФСР.

Определения гражд. касс. коллегии.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ № 31131—1924 ГОДА.

15 января 1925 года Барнаульская государственная нотариальная контора потребовала от Алтайского района отдела лесных заготовок правления Сибирских жел. дор. уплаты дополнительного нотариального и местного сбора в сумме 155 руб. 74 коп., оплата коего была оторочена в виду неопределенности суммы договора, заключенного районом 30-го ноября 1923 года в нотариальном порядке с коллективом рабочих Баюновского завода о распиловке и укладке древесины. Алтайский район отд. лесн. заготовок обратился 31 января 1925 года в Алтайский губсуд с жалобой на действия Барнаульской нотар. конторы, указывая,

что согласно общим начал советского законодательства тяжесть по уплате налогов должна быть переложена на частных лиц, участвующих в договоре подряда, в данном случае на коллектив рабочих. То обстоятельство, что такая оплаты нотариальных действий от 25-го сентября 1923 года обходит молчанием вопрос об обязанности той или другой стороны произвести уплату дополнительных нотариальных сборов, не дает права нотариальной конторе обязывать по своему усмотрению платежом всех дополнительных сборов одну из сторон.

В судебном заседании от 19 февраля 1925 года, Алтайский губсуд нашел, что оплата дополнительного нотар. сбора правильно возложена на Алтайский район отдела лес-

ных заготовок, по что при исчислении этого сбора надлежало руководствоваться таксой от 25-го сентября 1923 года, действовавшей во время заключения договора. В виду изложенного губсуд определил: жалобу Алтайского района лесных заготовок правления Сибирск. жел. дор. оставить без последствий и предложить нотариальной конторе взыскать не 1%, а 1½% с суммы договора.

В частной жалобе, поданной в Верховный Суд, юриконсульт Алтайского Сибтранслеса приводит те же возражения, которые были высказаны им в жалобе, принесенной в Алтайский губсуд, указывая вместе с тем на то, что дополнительная оплата договора нотариальными сборами должна быть произведена по ставкам ныне действующих правил о расщотке платы за нотар. действия от 28 июня 1924 года.

ГКК Верхсуда вынесено по настоящему делу следующее определение:

Именем РСФСР, 1925 года, марта 30-го дня, Верховный Суд по кассационной коллегии по гражданским делам, в составе: председателя А. А. Лисицына, членов: Лебедева В. Н., Азеева, в открытом судебном заседании слушал частную жалобу Алтайского Сибтранслеса на определение Алтайского губсуда от 19 ноября 1925 года, по делу по жалобе Алтайского района лесных заготовок, правления Сиб. жел. дор. на действия Барнаульской государственной нотариальной конторы № 1—по вопросу о взыскании дополнительных нотариальных и др. сборов.

Обсудив частную жалобу, ГКК находит: 1) по договору между Алтайским районом отдела лесных заготовок, правления Сибирских железных дорог и коллективом рабочих союза деревообделочников—коллектив принял на себя обязанность по распиловке и укладке древесины, поставляемой отделом лесных заготовок—в свою очередь отдел лесных заготовок должен был оплачивать труд коллектива—следовательно, со стороны отдела лесных заготовок по отношению к коллективу рабочих были денежные обязательства, со стороны же коллектива—обязательства трудового характера,—поэтому определение губсуда, возложившее на отдел лесных заготовок обязанность оплаты нотариальных и иных сборов по договору вполне соответствует характеру отношений между договорившимися сторонами, 2) как видно из судебного определения оплата нотариальных сборов была отсрочена, и к моменту внесения отсроченной суммы была введена такса оплаты нотариальных действий от 31-го января 1924 года, предусматривающая взыскание сборов не в размере 1½%, а в размере 1%, каковой суду надлежало применить, как действующее положение,—а потому гражданская кассационная коллегия Верхсуда определяет: частную жалобу Алтайского Сибтранслеса оставить без последствий, определение Алтайского губсуда от 19 февраля 1925 г. в части установления размера нотариальных сборов в 1½% отменить, считая, что нотариальные сборы подлежат взысканию в размере 1%.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ № 34453—1924 г.

Гр-ка села Фряново Богородского у. Екатерина Васильевна Горбачева обратилась в мае 1923 г. к пом. прокурора Моск. губ., Богородского уезда, с заявлением, в котором объявила, что во время ее пребывания на Украине невестка ее, Анна Петровна Горбачева, без ведома ее и согласия продала под влиянием острой нужды принадлежавший ей совместно с просительницей дом в селе Фрянове по

условию от 1 июня 1919 г. гр-ке того же села Афанасьевой за крайне низкую цену 30.000 руб. д. зн. 19 г., из коих 11.250 руб. продавщица положила в сберегательную кассу на имя просительницы и ее детей. Екатерина Горбачева просила признать означенную сделку кабальной и недействительной, как совершенную под влиянием голода и в период действия декрета от 14 декабря 1917 года.

Заявление Екатерины Горбачевой было передано в нар-суд 2 района Богородского у., решение коего от 31 января 1924 г. было отменено касс. коллегией Московского губсуда, и дело было передано на новое рассмотрение в Московский губсуд.

Продавщица дома Анна Горбачева подала в губсуд заявление о том, что считает сделку купли-продажи дома действительной и законной и просила оставить спорный дом за гр-кой Афанасьевой.

В судебном заседании от 16-го октября 1924 г. поверенный ответчицы указал, что истица утратила право на иск за исключением исковой давности. Губсуд нашел, что:

«1) местность, где проживала истица с семьей, была занята неприятелем, в виду чего к настоящему делу должно быть применена ч. I ст. 48 Г. К.;

2) действия членов ВИК и возмуправления, давших разрешение на совершение означенной сделки, являются незаконными. Поэтому губсуд определил: признать сделку купли-продажи дома, заключенную между Анной Горбачевой и Афанасьевой, недействительной и дом возвратить прежним владельцам Горбачевым, Анне и Екатерине, с детьми последней. Сумму в 30.000 руб., уплаченную Афанасьевой, признать как плату за пользование имуществом Горбачевых с момента заключения сделки до возвращения дома б. владельцам. О действиях должностных лиц ВЗУ и ВИК а сообщить губпрокурору».

В кассационной жалобе, поданной в Верховный Суд, гр-ка Афанасьева просит отменить решение губсуда по следующим соображениям:

1) губсуд не учел отсутствия спекулятивности сделки и наличия трудового владения домом в течение 5 лет со стороны Афанасьевой;

2) суд не имел оснований для продления давностного срока;

3) в нарушение ст. 2 ГПК суд присудил дом также в пользу продавщицы дома Анны Петровны Горбачевой, несмотря на то, что последние сделки продажи не оспаривала и никаких требований к Афанасьевой не предъявляла.

Гр. касс. коллегия Верхсуда вынесла по настоящему делу следующее определение:

Именем РСФСР, 1925 года, марта 26 дня, Верховный Суд по кассационной коллегии по гражданским делам, в составе: председателя А. А. Лисицына, членов: В. С. Селезнева, Н. М. Иванова, в открытом судебном заседании слушал дело по иску прики Горбачевой, Е. В., к гр-ке Афанасьевой, Е. М., о признании договора купли-продажи недействительным, по кассжалобе гр. Афанасьевой, Е. И., на решение Московского губсуда от 16 октября 1924 года, коим определено:

«Соглашение, заключенное Горбачевой, Анной, с Афанасьевой, Евдокией, на продажу дома в селе Фряново 25 июня 1919 г., признать недействительным, дом возвратить прежним владельцам, Горбачевым, Анне и Екатерине, с детьми последней, сумму в 30.000 руб., внесенную Афа-

насьевой за дом, признать как уплату за пользование имуществом Горбачевых с 25 июля 1919 г. по 15 октября 1924 г. О действиях должностных лиц, Ковалева, Куликова, Шубиникова и Бельшинова, сообщить губ. прокурору на предмет привлечения их к ответственности за превышение власти».

Рассмотрев настоящее дело, ГПК Верховного суда находит:

1) что поскольку губсуд установил наличие обстоятельств, предусмотренных 1 ч. 48 ст. ГК, он вправе был признать, что истицей исковая давность не пропущена;

2) что губсуд также правильно признал сделку купли-продажи, заключенную сторонами в период запрещения подобного рода сделок, действительной, на основании 30 ст. ГК;

3) что, с другой стороны, губсуд устанавливал последствия недействительности сделки для сторон и определяя судьбу имущества, вынес неправильное решение в следующем: установив, что в момент заключения сделки Афанасьевой с Анной Горбачевой дом принадлежал на правах общей собственности Екатерине и Анне Горбачевым и что Екатерина Горбачева не участвовала в заключении незаконной сделки, губсуд мог признать Екатерине Горбачевой принадлежащую ей половину доли дома, но не присудить дом в целом Анне и Екатерине Горбачевым вместе, ибо Анна Горбачева участвовала в деле в качестве ответчицы и никаких требований не заявляла. Указание на присуждение дома Екатерине Горбачевой с детьми также неправильно, так как, во-первых, истица была одна Екатерина Горбачева, во-вторых, сам суд установил, что собственниками дома были Анна и Екатерина Горбачевы. Таким образом, если присуждение Екатерине Горбачевой половины дома является правильным, то отсуждение второй половины дома от Афанасьевой, фактически владевшей домом продолжительное время, судом не обосновано. Согласно установленной Верховным судом практике, признавая сделку незаконной и недействительной, суд должен был обсудить последствия недействительности сделки по 147 ст. ГК, и если фактическое пользование Афанасьевой домом является трудовым, то признать за ней право на половину дома в качестве сообщицы с Екатериной Горбачевой или в противном случае обратить эту половину дома в доход государства.

А потому ГПК Верховного суда определяет: решение Московского губсуда от 16 октября 1924 года отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же губсуд в другом составе.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ № 3797 — 1925 ГОДА.

23 февраля 23 года агент торгово-промышленного топливного товарищества по закупке и отправке дров Петр Ильин, пытаясь на ст. Батюшково, Белорусской-Балт. жел. дор. на ходу сесть в товарный вагон для сопровождения дров, сорвался с подножки и попал под вагон поезда, раздробивший ему левую стопу. Удостоверением ортопедической клиники в Москве от 22 сентября 23 года установлено: утрата Ильиным трудоспособности на 40%.

17 января 1924 года Ильин предъявил членам торгово-промышленного топливного товарищества в особой сессии парсуда по трудовым делам иск о взыскании с них неуплаченной ему за время лечения с февраля по сентябрь 1923 года заработной платы и компенсации за неиспользованный отпуск из расчета по 177 руб. в месяц и о выдаче ему пособия за увечье, понесенное при исполнении служебных обязанностей, в размере по усмотрению суда.

Трудовая сессия решением от 22/25 февраля 1924 года присудила с членов товарищества в пользу Ильина в возмещение ущерба, причиненного увечьем, единовременную сумму в 5.088 руб.

Решение это отменено кассационным отделением Московского губсуда за нарушением 5 ст. ГПК и дело передано в судебное отделение того же суда по подсудности.

Рассмотрев дело вторично 21 ноября 24 года, Московский губсуд признал, что вред не причинен ответчиками, что Ильин попал под поезд по собственной вине, но, применив к настоящему делу 406 ст. ГК, обязав членов торгово-промышленного топливного товарищества уплачивать потерпевшему пособие в размере 60% его среднего месячного заработка в сумме 24 руб. в месяц, начиная с 23 февраля 1923 года.

В кассационной жалобе, поданной в Верховный Суд, товарищество указывает на то, что 406 ст. ГК может быть применена только в случае установления причинной связи между действиями ответчиков и вредом, понесенным истцом.

По этому делу Верховный Суд вынес следующее определение:

Именем РСФСР, 1925 года, марта 26-го дня, Верховный Суд по кассационной коллегии по гражданским делам, в составе: председателя А. А. Лисицына, членов: Л. А. Саврасова, В. С. Селезнева, при прокуроре Б. М. Бродском, в открытом судебном заседании слушал дело по иску гр. Ильина, П. В., к тр-нам Соломонову, С. А., Хлунову, А. А., Селиверстову, В. С., Захарову, И. Л., Хлуновой, Л. Г., Линденбергу, М. В., и Мещанинову, И. Д., и гр. Латышеву о взыскании заработной платы, компенсации за неиспользованный отпуск и за увечье, по кассационной жалобе гр. гр. Соломонова, С. А., Хлунова, А. А., Селиверстова, В. С., Захарова, И. Л., Хлуновой, Л. Г., Линденберга, М. В., и Мещанинова, И. В., на решение Московского губсуда от 21-го ноября 1924 года, коим определено: «взыскать с 1) Соломонова, 2) Хлунова, 3) Захарова, 4) Селиверстова, 5) Хлуновой, 6) Линденберга, 7) Мещанинова солидарно в пользу Ильина, Петра Васильевича, по 24 руб. (двадцать четыре) ежемесячно, начиная с 23 февраля 1923 года пожизненно, возложить на ответчиков уплату судебной пошлины в доход Республики по 17 р. 28 к. зол. в год, начиная с 23-го февраля 1923 г., впредь за каждый год взыскать с ответчиков в пользу истцовой стороны, в порядке примечания к ст. 46 ГПК 100 руб. (сто рублей)».

Выслушав объяснения представителей сторон и заключение прокурора, гражд. касс. коллегия находит, что применение 46 ст. ГК возможно только в том случае, если, несмотря на неответственность по 403—405 ст. ГК, суд, считая лицо, причинившее вред, объективно ответственным по мотивам социального свойства, когда в зависимости от имущественного положения причинившего вред и имущественного положения потерпевшего, суд сочтет возможным не считаться с отсутствием юридической ответственности по 403—405 ст. ГК причинившего вред. Но, однако, момент причинения вреда имелся данным лицом, должен быть признан, ибо без этого применение 406 ст. ГК вообще не имеет смысла.

При том положении, которое имеется по данному делу: причинение вреда не действиями ответчика, а на жел. дор., получение увечья потерпевшим вследствие своей грубой неосторожности, совершенно исключается возможность привлечения ответчиков к суду, и, следовательно, никакого распространительного толкования ст. 406 ГК и не требовалось, тем более в таком вольном и широком масштабе, как это сделал губсуд, не приведя к тому достаточных мотивов.

ГКЖ усматривает из дела, что первоначально заявленный гр. Ильиным иск о заработной плате за время лечения и за неиспользованный отпуск в виду направления процесса в другую сторону остался перассмотренным.

На основании изложенного гражданская кассационная коллегия Верховуда определяет: решение Московского

губсуда от 21-го ноября 1924 года отменить и дело о взыскании с ответчиков в пользу истца переслать на новое рассмотрение трудовой сессии гарсуда дело по иску Ильина заработной платы и за неиспользованный отпуск согласно первоначально его искового заявления.

== Х Р О Н И К А. ==

Наемный труд в крестьянском хозяйстве.

В инструкции временных правил о подсобном наемном труде в крестьянском хозяйстве точно не разграничены размеры крестьянских хозяйств промышленного типа, на которые не распространяются временные правила. Совнаркомом автономных республик, областным, краевым и губерньским исполкомам предоставлено право издавать обязательные постановления, устанавливающие предельные размеры крестьянских хозяйств, на которые не распространяются правила.

ЦК всеработземлеса, в виду трудностей, которые могут возникнуть на местах при издании обязательных постановлений, в развитие инструкции, преподал местным союзным организациям основные указания по данному вопросу.

Местам разослан примерный перечень крестьянских хозяйств, на которые правила не должны распространяться. Перечень этот составлен, исходя из определения валовой доходности хозяйств от 800 до 1.000 руб. в год при трудовой емкости хозяйства свыше 2 годовых работников.

Раз'яснение об отпусках.

НКТ прислал на заключение ВЦСПС проект раз'яснения о продолжительности отпуска и размере денежной компенсации за неиспользованный отпуск.

В дополнение к соответствующим статьям Кодекса законов о труде проект устанавливает, что продолжительность как очередного, так и дополнительного отпуска по вредности работы равна 14 календарным дням независимо от числа переработанных дней, которые приходятся на время отпуска.

Срок месячного отпуска исчисляется с соответствующего числа месяца до того же числа следующего месяца (исключительно).

Размер денежной компенсации за неиспользованный двухнедельный отпуск исчисляется: для лиц, оплачиваемых ежемесячно, в размере половины среднего месячного заработка их; для лиц, оплачиваемых сдельно или по денно, в размере среднего заработка за 12 рабочих дней. При предоставлении двухнедельного отпуска лицам, оплачиваемым ежемесячно, выдается аванс в размере половины месячного заработка; лицам, оплачиваемым сдельно или по денно, аванс выдается в размере среднего заработка по числу рабочих дней, приходящихся на время отпуска. В случае изменения за время отпуска условий заработной платы в учреждении или предприятии администрация или трудящийся вправе требовать перерасчета. Уплата работнику компенсации за неиспользованный отпуск в том же календарном году, по в новом месте работы, продолжительность очередного отпуска или компенсация за него могут быть соответственно изменены (по расчету—один день

отпуска за каждую $\frac{1}{24}$ -ую месячного заработка, уплаченную в качестве компенсации).

ОТЭ ВЦСПС, согласившись в основном с проектом НКТ, внес в него ряд поправок. Так ОТЭ ВЦСПС считает необходимым дополнить проект указанием, что размер компенсации, исчисляемый согласно проекта, удваивается в том случае, когда компенсация выдается за неиспользованный месячный отпуск. Кроме того, ОТЭ признал целесообразными введенные в проект оговорки о перерасчете в случае изменения условий заработной платы во время отпуска и о нормах компенсации за отпуск на новом месте работы.

Взимание процентных начислений с нанимателей по трудовым договорам, заключаемым органами профсоюзов в деревне.

НКТруд СССР 3 августа 25 г. за № 27423 раз'яснил, что взимание союзом по добровольному соглашению с нанимателей % % отчислений на содержание месткомов и культработу по договорам, заключаемым на основе «Временных правил о подсобном наемном труде в крестьянских хозяйствах», означенным правилам не противоречит.

Размер отчислений должен быть в этих случаях оговорен в самом трудовом договоре.

Право собственности на вновь возведенные строения.

Совнарком РСФСР внес на обсуждение адм.-фин. комиссии при СНК РСФСР вопрос о праве кооперативной собственности на вновь возведенные строения. Совнарком считает необходимым признание строений, возведенных жилищно-строительными кооперативными товариществами, принадлежащими им на праве собственности. Жилищно-строительные кооперативы, получающие такие права на свои строения, должны пользоваться также всеми правами и преимуществами, предоставленными застройщикам.

Связана ли регистрация комиссионных предприятий со сборами за нее?

Подлежит ли взиманию какой-либо сбор за регистрацию комиссионных предприятий, возникших в виде единичных торговых предприятий?

НКВнуторг раз'яснил: в виду того, что никаким законодательным актом центральной власти не установлен сбор за регистрацию комиссионных предприятий и что в числе налогов и сборов, которые согласно временного положения о местных финансах местным органам власти разрешено устанавливать, означенный сбор не значится (Собр. Зак. 1924 г. № 22, ст. 199, ст. 40), губвнуторг (или другие соответствующие им органы) не вправе взимать какой-либо специальный сбор за регистрацию комиссионных предприятий, как таковых. Таким образом, вопрос о том, подлежит ли взиманию какой-либо сбор за регистрацию

комиссионных предприятий, возникших в виде единоличных торговых предприятий, должен быть разрешен в отрицательном смысле.

Урегулирование расчетов платежей, выраженных в совзначных суммах.

НКРКИ, ВСНХ и НКФ (НКФ № 01/1100/10 от 21 апреля 25 г.) разъяснили, что при урегулировании расчетов платежей, выраженных в совзначных суммах, последние перечисляются в золотые рубли по курсу на день срока платежа, если иное не предусмотрено законом или договором.

При этом: а) по расчетам, подлежащим погашению до 31 марта 1922 г., перечисление производится по курсу Наркомфина; б) по расчетам, подлежавшим погашению с 1 апреля по 11 сентября 1922 года по курсу Госбанка. (в обоих случаях применяется штрафной коэффициент 0,3); в) по расчетам, подлежавшим погашению с 12 сентября по 22 октября 1923 г., по курсу котирующей комиссии с поправочным коэффициентом 0,7; г) по расчетам, подлежавшим погашению с 23 октября 1923 г., по курсу котирующей комиссии без применения поправочного коэффициента.

Во всех случаях, когда расчет не был своевременно učinен не по вине должника, валютирование причитающихся совзначных платежей производится по выкупному курсу совзнаков.

Разъяснение по гербовому сбору.

Согласно циркуляра НКФ РСФСР от 9 июня 25 г. № 1107 счета продавца на расходы по учету покупательских векселей подлежат оплате простым гербовым сбором; так, при совершении сделки купли-продажи ценою сделки считается цена, за которую приобретается имущество, т. е. сумма, причитающаяся продавцу, и со всей этой суммы взимается гербовой сбор. Если при покупке часть уплачена векселями с отнесением расходов по учету на счет покупателя, то продавец, учтя векселя и понеся расход по их учету, не получает полной стоимости товара; таким образом, расходы по учету не увеличивают цены сделки, а представляют лишь часть той суммы, которая полностью оплачена уже в сделке купли-продажи.

Освобождение от промыслового налога лиц свободных профессий.

Наркомфин Союза ССР постановил (пост. НКФ от 23 июля 1925 г., № 108/042130216—«В. Ф.», № 79): освободить с 1 октября т. г. от промыслового налога на личные промысловые занятия лиц, предусмотренных п. 12, утвержд. 27 сентября 1924 г. «Расписания личных промысловых занятий, подлежащих платежу промыслового налога»: врачей, зубных врачей, ветеринаров, архитекторов, инженеров, зубных техников, лиц, составляющих планы, сметы, акушеров, массажисток, литераторов, художников, чертежников, артистов, музыкантов и членов коллегии защитников.

Наложение штрафов за нарушение правил о промналоге.

Согласно разъяснению Управления Госналогами за № 0422224/2, промысловый налог ложится не на лиц, а на предприятия, а поэтому и штрафы за нарушение правил о промналоге должны взиматься не с отдельных должностных лиц, а с предприятий, независимо от того, будут ли владельцы их лица физическими или юридическими, которые могут в порядке внутреннего управления подвергнуть дисциплинарной или даже материальной ответственности тех или иных подчиненных им должностных лиц, виновных в нарушении установленных правил.

Юридическая помощь в союзе металлистов.

ЦК металлистов обследовал работу юридических консультаций в районных органах союза.

ЦК признал необходимым, чтобы юридические консультации устраивали более частые выезды на места, особенно на те предприятия, которые удалены от города.

При выездах на отдельные заводы необходимо совмещать консультацию с устройством вечеров вопросов и ответов, при чем члены завкома должны выступать по вопросам профессионального характера, а юрисконсульты по специальным юридическим вопросам.

Для поддержания связи со всеми предприятиями, на которые юрисконсульт может приезжать не чаще 1—2 раз в год, следует организовать институт корреспондентов, на обязанности которых будет лежать прием заявлений. Желательно, чтобы в роли корреспондента выступал член завкома, заведующий охраной труда, по могут быть использованы и другие рабочие. В самой консультации работа должна быть поставлена таким образом, что юрисконсульт при приеме посетителей не ограничивается сухими односложными ответами и ссылками на неизвестную статью кодекса или декрета, а стремился бы, по возможности, более полно разобрать затронутый вопрос.

Лекции должны устраиваться таким образом, чтобы они давали ответы и освещение тех вопросов, которые чаще и более всего встречаются в практике юридической консультации.

При организации кружков или краткосрочных курсов по изучению правовых вопросов надо стремиться к тому, чтобы кружки организовывались исключительно на добровольных началах, а не путем приказов об обязательном посещении их членами месткома, РКМ и т. д. Программа занятий кружка не должна вводить слишком много теории, как это делается некоторыми консультациями, и больше разрабатывать те вопросы, которые соприкасаются с условиями труда и быта рабочих.

Слушателей, окончивших кружки, ЦК рекомендует использовать при консультации, как практикантов. Ознакомившись с юридическими вопросами, они могут под руководством юрисконсульта и сами давать советы по некоторым вопросам.

Практиканты могут также посылаться в качестве представителей профсоюзов для выступления в судах после того, как они ознакомятся с той областью права, к которой относятся разбираемые в суде случаи.

По союзным республикам.

УКРЕПЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЗАКОННОСТИ В ВОСТОЧНОЙ ГРУЗИИ.

Все внимание областного суда Восточной Грузии сосредоточено сейчас на мерах к укреплению революционной законности и приближению суда к населению.

Для того, чтобы достигнуть поставленных целей, необходимо увеличить сеть народных судов и усилить следственный аппарат.

В этом отношении Наркомюст и некоторые исполкомы пришли на помощь судебным органам. В Горийском уезде, например, количество следственных и судебных участков удвоено. Увеличение сети следственных и судебных участков даст возможность разгрузить суды от залежавшихся дел, а новые дела слушать вскоре после возникновения. Надо по возможности приблизить момент правосудия к моменту совершения преступления. Для этого переброшены в уезды лучшие судебные работники.

Несомненно, что приближение времени слушания дела в суде к моменту совершения преступления имеет большое значение и для укрепления революционной законности, так как при следовании наказания непосредственно за преступлением правосознание получает немедленное удовлетворение, а в случае оправдательного приговора обвиняемый не содержится в тюрьме излишнее время и т. д. Можно надеяться, что в скором времени удастся слушать дела через 1—2 месяца после совершения преступления. Надо полагать, что это повлияет и на сокращение преступности.

В настоящее время сессии областного суда слушают дела в большинстве случаев в уездах на месте совершения преступлений. Этот опыт дал очень благоприятные результаты в смысле воспитания крестьянских масс. Перед началом судебного заседания в большинстве случаев собравшимся на процесс делается доклад о революционной законности и советском праве.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЗАКОННОСТЬ В АДЖАРИСТАНЕ.

Прокурором Аджаристанской республики были недавно обследованы в уездах все судебные-следственные и низовые аппараты.

При обследовании созывались административные совещания при исполкомах, постановлениями коих по докладу прокурора республики созданы уездные комиссии по борьбе с преступностью.

Для приближения суда к массам Верховный Суд провел все свои сессии в тех селах, где совершились преступления. В тех же целях и народные судьи для рассмотрения дел выезжают теперь на места. Революционная законность в деревне усилена выделением для каждого уезда помощника прокурора Верховного Суда. В области законодательной идет переработка с пополнением необходимыми статьями всех действующих в Аджаристане кодексов применительно к культурно-бытовым условиям края и работает при участии прокурора республики центральная комиссия ЦИК'а по борьбе с контрабандой. Наказуемость по контрабандным делам усилена за-

меной принудительных работ лишением свободы на разные сроки. В уголовный кодекс введена также статья об ответственности за преследование рабкоров.

В АЗЕРБАЙДЖАНЕ.

Кабинет по изучению преступности в Баку.

По примеру Москвы и по инициативе прокуратуры АССР в настоящее время в Баку при горздравотделе Баксовста создан кабинет по изучению преступности.

Цели, которые преследует кабинет, заключаются в социологическом изучении типов преступников, в психиатрическом изучении взаимоотношений, существующих между душевными болезнями и преступностью, и в изучении внутренних факторов, влияющих на личность преступника.

Кроме того, кабинет займется изучением местных бытовых преступлений (кровная месть, наркомания, половые извращения и т. п.).

Расширение сети народных судов.

Наркомюстом АССР учреждаются в различных местах Азербайджана 9 новых народных судов и столько же след. участков. Также проектируется учреждение второго окружного суда, который будет объединять 5 наиболее отдаленных от Баку уездов.

Тюрки—судебные работники.

В Баку судебных работников тюрков 58%; по всему Азербайджану—98% тюрков, работающих в судебных учреждениях.

При Наркомюсте АССР в ближайшее время открываются трехмесячные курсы на тюркском языке для подготовки технических работников для судов. Слушатели за время учебы будут получать содержание с обязательством по окончании курсов работать в уезде, в народных судах Азербайджана.

Издание «С. У. АССР».

Наркомюстом Азербайджана приступлено к изданию «Сборника узаконений и распоряжений правительства АССР» за 1923, 1924 и 1925 г.г. Техническая работа по изданию сборника за 1923 год уже закончена, и материалы сданы в печать.

Нововведения в угол. кодексе.

В целях предотвращения различных преступлений, совершаемых в Азербайджане на почве кровной мести, неравноправия полов, а также кражи скота у сельского населения, в уголовный кодекс Азербайджанской республики введен по этим делам ряд специальных статей с более строгим наказанием.

Отчетность на тюркском языке.

Госпрокуратурой Азербайджана выработана на тюркском и на русском языках единая форма отчетности для прокуратуры АССР. Кроме того, разработаны формы всех бланков, необходимых для ведения предварительного следствия.

А. Ж

БИБЛИОГРАФИЯ.

ЮРИЙ МАЗУРЕНКО.—Система права переходного периода. Опыт систематики. Харьков, Юридич. Издательство НКЮ УССР. 1925 г., ст. 45, ц. 20 коп.

Брошюра тов. Мазуренко является первым опытом построения самостоятельной системы советского права. До сих пор вопросы систематики советского права не привлекали к себе внимания. Единственный вопрос, которым занимались теоретики,—это о возможности деления советского права на публичное и частное. Проблема эта вообще не имеет большого значения для построения системы советского права, ибо ясно, что даже если мы будем признавать, что некоторые части советской правовой системы регулируют частные или частно-имущественные отношения, не может быть такого положения, чтобы советское государство предоставило их полностью гражданам, совершенно отступившись от их регулирования и направления.

Имущественные права, как и все остальные, принадлежат гражданам советского государства не как священные и неотъемлемые, а даются им в целях развития производительных сил и могут быть отняты, если ими пользуются в противоречии с их социально-хозяйственным назначением. Поэтому в советском государстве не может быть ничего подобного частному праву буржуазной Европы в эпоху XIX в.

Вопросы систематики советского права, однако, имеют большое значение для правильной постановки его изучения. Здесь вредно было бы автоматическое перенесение на систему советского права построений буржуазного правоведения. Как правильно указывает тов. Мазуренко, «Схема деления права не есть нечто застывшее, а постоянно изменяется в соответствии с изменением производственных и общественных отношений».

Поэтому государство переходного периода нуждается в своей правовой систематике. Таковую автор строит, исходя из основных функций пролетарского государства—политической, хозяйственной, и идеологической диктатуры пролетариата. В соответствии с указанным, он делит всю советскую правовую систему на **политико-организационное право**, **хозяйственное право** и **воспитательно-просветительное**.

К **политико-просветительному** праву автор относит нормы, регулирующие организацию власти, ее защиту, а также права и обязанности граждан, как государственные, общественные, так и индивидуальные. Сюда входят: общее учение о праве и государстве, конституционное право, судебное право, административное право, здесь следует отметить совершенно правильный взгляд автора на природу советского административного права, однако, следовало бы включить в него, кроме охраны порядка и безопасности, также и учение о революционной законности, см. мою статью—Основные элементы советского административного права—«Адм. Вестник» 1925 г., № 8 (контрольно-ревизионное право) уголовное, гражданское право (гражданство, положение иностранцев, семья, брак, опека и т. д.), военное и международное право.

В **хозяйственное право** автор включает нормы, определяющие хозяйственную деятельность государства и граждан, т.-е. деятельность, непосредственно связанную с процессом производства и обмена. Как правильно замечает автор, наш Гражданский Кодекс всей хозяйственной деятельности не охватывает. Поэтому его приходится рассматривать лишь как часть хозяйственного права. На это уже указывали Гойхбарг и Рейснер. Все хозяйственное право автор делит на общую и особенную часть. Общая часть содержит нормы, регулирующие принципы нашей хозяйственной системы:

1) о субъектах и объектах правоотношений, 2) о правоотношениях: а) планово-производственного характера, б) планово-распределительного, в) рыночно-производственного и г) рыночно-распределительного; 3) об условиях возникновения действия и прекращения указанных правоотношений; 4) об основах законодательства государственного, кооперативного и индивидуального хозяйства.

Особенную часть хозяйственного права составляют отдельные правовые дисциплины—торгово-промышленное право, земельно-лесное, транспортное, жилищно-строительное, финансовое, кооперативное, концессионное и трудовое.

К третьей группе, **воспитательно-просветительной**, автор относит все, что касается идеологического и физического воспитания (просветительное право, здравоохранительное, бытовое, правовые нормы, об отделении церкви от государства и школы от церкви).

Такова даваемая тов. Мазуренко схема советской правовой системы. Необходимо признать, что тройственное деление права, соответствующее трем важнейшим отраслям деятельности советского государства, вполне жизненно и дает основы для последующей разработки вопросов систематики.

Нужно лишь отметить, что третья отрасль—воспитательно-просветительное право—построена автором не вполне удачно. Особенности сомнения вызывает конструирование им бытового права, часть норм которого вполне укладывается в здравоохранительное право (борьба с пьянством). Семейные и брачные отношения по существу правом не могут регулироваться: регулируются, главным образом, имущественные отношения, вытекающие из брака и семьи, а потому брачное и семейное право лучше всего отнести к хозяйственному.

Отделение церкви от государства—область административного права, школы от церкви—просветительного. С другой стороны, автор никуда не включает нормы, регулирующие социальное обеспечение. Поэтому в эту третью отрасль было бы наиболее правильно включить права: 1) просвещения, 2) здравоохранения и 3) социального обеспечения и присвоить этой отрасли наиболее, пожалуй, правильно выражающее его значение название—право социальной культуры (см. проф. А. И. Елистратов—«Административное право РСФСР». Л. 1925 г., стр. 11).

В то же время автор относит семейные и брачные отношения к законодательству о гражданском состоянии. Последнее, вообще, должно быть разбито на две основные категории: вопросы гражданства и так-наз. «гражданских свобод» должны быть отнесены к административному праву; имущественные права, перечисленные в ст. 5-й Гражданского Кодекса,—к хозяйственному праву.

Нужно также отметить, что, как замечает и сам автор, им слишком мало уделяется внимания нормам, регулирующим индивидуальное хозяйство, т.-е. то, чему, главным образом посвящен Гражданский Кодекс. Для охвата его значения всегoда надо помнить декрет «Об основных частных имущественных правах».

Вообще в целом, работа тов. Мазуренко при сложности некоторых отдельных вопросов, являющаяся к тому же первым опытом построения советской правовой систематики, написана со знанием дела и обнаруживает умение самостоятельно мыслить. Подход автора-марксиста выдерживает. Можно уверенно ее рекомендовать для прочтения.

А. Турубинер.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

СОДЕРЖАНИЕ:

Циркуляры Наркомюста: №№ 175, 176, 177, 179.

Циркуляр № 175.

Всем губернским и областным судам.

О порядке приема, сдачи и учета денежных сумм, поступающих в нотариальные конторы по векселям, предъявляемым к протесту Госбанком, и о сведениях о протестованных векселях.

Народный Комиссариат Юстиции предлагает нотариальным конторам при расчетах по векселям, предъявляемым к протесту Государственным Банком, руководствоваться следующими правилами:

1. Для расчета по векселям, предъявляемым к протесту Государственным Банком, в местных учреждениях Госбанка открывается для нотариальных контор текущий счет специального назначения для перечисляемой Госбанком платы за нотариальные действия, а также для сумм, следующих в доход местных средств. Распорядителем сумм является нотариальная контора, которая руководствуется при этом в отношении нотариальных сборов общими правилами, приведенными циркуляром Н.К.Ю. от 13 мая 1924 года за № 71.

Трижды в месяц, каждое 10, 20 число и в последний день каждого месяца, нотариальная контора производит расчет с местным финотделом, перечисляя на текущий счет местного финотдела следующие суммы.

2. Суммы перечисляются Государственным Банком немедленно по предъявлении в контору к протесту векселей на основании выдаваемых нотариальной конторой квитанций, в которых указываются принятые к протесту векселя и причитающиеся по ним сборы (нотариальный и местный). Не позже истечения 2-дневного срока с момента получения квитанции Госбанком посылается в нотариальную контору уведомление о перечисленных суммах с указанием, по каким векселям они перечислены.

3. Суммы, перечисляемые на текущий счет, записываются на приход на основании остающихся в конторе талонов квитанций (или корешков) в день приема векселей к протесту.

4. Ежедневно Госбанком представляются в нотариальную контору сведения об остатках текущего счета.

5. На третий день по получении нотариальной конторой сумм, поступивших в уплату по предъявленным к протесту векселям, нотариальная контора посылает в Государственный Банк сведения о выкупленных векселях с точным указанием векселей и подробным расчетом полученных по ним сумм.

6. Гербовый сбор по предъявленным Госбанком к протесту векселям вносится не позже истечения срока для протеста векселя, указанного в ст. 12 положения о векселях.

7. Нотариальные конторы сообщают местным учреждениям Государственного Банка сведения о протестованных векселях ежедневно, не позже среды, по установленной форме. В сообщениях должны содержаться сведения о всех векселях, протестованных за время с понедельника по субботу включительно предыдущей недели. Нотариальные конторы гор. Москвы посылает сведения эти как в правление Госбанка, так и в Московскую контору Госбанка.

При частичной оплате векселя на векселе делается отметка об учтенной частичной уплате по векселю и в сообщении Госбанку указывается лишь непоплаченная сумма.

Конторы извещают учреждения Госбанка и в случаях, если в течение недели протестов произведено не было.

8. С изданием настоящего циркуляра считать утратившими силу циркуляры Н.К.Ю. № 72 от 10/IV—23 г. и № 19 от 30/I—24 года.

Зам. Народного Комиссара Юстиции **Крыленко.**

Член Коллегии НКЮ **Бранденбургский.**

10 сентября 1925 года.

Циркуляр № 176.

Всем губернским и областным (краевым) судам и прокурорам.

О передаче архивных материалов органов юстиции органам Центрархива.

Объявляется для сведения и руководства соглашение, заключенное между Народным Комиссариатом Юстиции и Центрархивом РСФСР.

Циркуляр НКЮ № 94—1923 г. отменяется.

Зам. Народного Комиссара Юстиции и Ст. Помощник Прокурора Республики **Крыленко.**

Член Коллегии НКЮ **Бранденбургский.**

14 сентября 1925 года.

СОГЛАШЕНИЕ

О порядке, сроках и способах передачи архивных материалов учреждениями ведомства Народного Комиссариата Юстиции РСФСР органам Центрархива в центре и на местах.

На основании декретов Сов. Нар. Ком. от 1 июня 1918 г. и 31 марта 1919 г. Народный Комиссариат Юстиции РСФСР в лице Зам. Народного Комиссара Юстиции и Ст. Пом. Прокурора Республики Н. В. Крыленко, с одной стороны, и Управление Центрархива РСФСР в лице Члена Коллегии Центрархива В. В. Макасова, с другой, заключили настоящее соглашение о нижеследующем:

1. Архивные материалы, образовавшиеся в деятельности органов Народного Комиссариата Юстиции в центре и на местах с 7-го ноября (26 октября с. г.) 1917 г., подлежат передаче в органы Центрархива в следующем порядке: а) в первую очередь приводятся в надлежащий порядок и передаются дела, законченные к 1 января 1921 г., б) в следующую очередь дела—с 1 января 1921 года по 1 января 1924 г., в) в дальнейшем отдельно по каждому году дела, законченные в 1924 году, 1925 и т. д. годам.

Примечание: Оконченным считается дело, по которому вошедшие в законную силу приговор или решение приведены в исполнение или никакого исполнения не требуют, а равно дела, прекращенные производством навсегда.

2. При сдаче дел, указанных в п.п. «а» и «б» предшествующей статьи, должны быть соблюдены следующие правила: дела должны быть подобраны в папках или вязках с обозначением наименования учреждения и самого дела, времени его начала, окончания и числа листов; дела систематизируются по однородности делопроизводства и по годам окончания. На все дела должна быть составлена сдаточная ведомость с указанием №№ по порядку, делопроизводственных №№ дел, наименований дел, времени начала и окончания их и количества листов, вшитых в дело. Никаких иных требований в отношении сдаваемых дел органы Центрархива предъявлять не могут.

3. В отношении дел, указанных в п. «в» первой статьи, должны соблюдаться «Правила постановки архивной части текущего делопроизводства», поскольку специальными соглашениями НКЮ и Центрархива в этом отношении не будет сделано каких-либо изъятий.

4. Сроки сдачи указанных дел устанавливаются следующие:

а) для дел, законченных к 1 января 1921 г.,—1 января 1926 г.;

б) для дел, законченных к 1 января 1924 г.,—1 января 1927 г.;

в) для дел, законченных в 1924 и 1925 г.,—1 января 1928 г., в 1925 г.—1 января 1929 г., в 1927 г.—1 января 1930 г. и т. д.

Примечание: Сроки эти являются лишь предельными, и органам юстиции, если им представится к тому техническая возможность, предоставляется право сдавать указанные дела и ранее установленных в настоящей статье сроков, но не ранее истечения одного года по окончании дела.

В случае сдачи дела за какой-либо год ранее установленных сроков подлежащий орган Центрархива должен быть об этом предупрежден не позднее, как за три месяца до дня сдачи.

5. Дела за каждый отдельный год должны сдаваться целиком, сдача дел одного года по частям не допускается. Также не допускается сдача дел за последующие годы если не сданы дела предшествующих лет.

6. Дела Наркомата Юстиции и Верховного Суда РСФСР передаются непосредственно в Управление Центрархива в Москве, дела губернских областных и краевых судов, в том числе постоянных судебной-кассационных сессий краевых (областных) судов со всеми состоящими при них органами, и прокуроров сдаются в соответствующие губернские, областные и краевые архивные бюро, дела народных судов, народных следователей, уездных, окружных и районных помощников прокурора и уездных и окружных уполномоченных губсудов—в соответствующие уездные или окружные архивные бюро (а где таковые не учреждены—уездными или окружными уполномоченными соответствующего губернского или краевого архивного бюро). В тех местностях, где имеются районные архивные бюро или районные уполномоченные архивного бюро, нарсуды, нарследователи и районные помпрокурора сдают дела этим районным бюро или уполномоченным.

Примечание: Установленный настоящей статьей порядок направления для нарсудов и помощников прокурора должен применяться лишь к делам, законченным после 1 января 1924 г., дела, законченные ранее, и подлежащие направлению, согласно циркуляру НКЮ в губернские (областные) суды, должны быть сданы последними в те же сроки в соответствующие губернские (областные) архивные бюро.

7. Дела упраздненных ныне органов советской юстиции, действовавших в общереспубликанском масштабе, сдаются теми органами юстиции, в распоряжении которых они ныне находятся, в Управление Центрархива РСФСР,—всех остальных

упраздненных органов советской юстиции—в подлежащие губернские, областные или краевые архивные бюро.

8. Находящиеся по каким-либо причинам в органах советской юстиции архивные материалы дореволюционных судебно-следственных учреждений подлежат сдаче к 1 января 1926 г. в распоряжение ближайшего к месту нахождения этих материалов учреждения Центрархива в порядке установленном по соглашению с последним, по общей описи, с указанием разряда дел и дат начала и окончания дел.

9. Во исполнение архивного законодательства учреждения НКФ обязуются не уничтожать дел и документов, не передавать другому ведомству никаких архивных материалов без предварительного на то разрешения Управления Центрархива, точно также не перемещать архивных материалов из одного учреждения в другое, поскольку это не предусмотрено настоящим соглашением.

10. Ответственность за соблюдение всех установленных правил в отношении приведения в порядок, хранения, подготовки к сдаче и самой сдачи архивных материалов органам Центрархива возлагается на должностных лиц, стоящих во главе органов юстиции, которые должны производить эту сдачу.

11. Передача и перевозка архивных материалов, сдаваемых органам Центрархива, производится средствами и за счет органов Наркомюста, производящих сдачу. Перевозка архивных материалов, указанных в ст. 8 настоящего соглашения, производится средствами и за счет органов Центрархива.

12. Настоящее соглашение на архивные материалы учреждений госнотариата и военных трибуналов не распространяется.

Подлинный подписали: Член Коллегии Центрархива РСФСР **Максаков.**

Зам. Нар. Ком. Юстиции и Ст. Пом. Прокурора Республики **Крыленко.**

Циркуляр № 177.

Всем губернским и областным (краевым) судам.

О принятии к исполнению правил «Временного руководства по очередным призывам в РККА».

Объявляется для сведения и исполнения выписка из «Временного руководства по очередным призывам в РККА», в части, касающейся отсрочек призыва гражданам, находящимся под стражей и лишенным избирательных прав по суду.

Зам. Народного Комиссара Юстиции **Крыленко.**

Член Коллегии НКЮ **Бранденбургский.**

14 сентября 1925 г.

ВЫПИСКА из «ВРЕМЕННОГО РУКОВОДСТВА ПО ОЧЕРЕДНЫМ ПРИЗЫВАМ В РККА».

В) Отсрочки призыва граждан, находящихся под стражей и лишенным избирательных прав по суду.

Ст. 308. Граждане, отбывающие лишение свободы в местах заключения, а также находящиеся под судом и следствием, если в отношении их в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, от личной явки к призыву освобождаются.

Ст. 309. Места заключения, в которых они находятся, обязаны ко времени их призыва сообщить в подлежащие уездные военные комиссариаты, по месту приписки заклю-

ченных, о состоянии их под стражей и препроводить туда их принятые свидетельства, если таковые имеются.

Ст. 310. Если приписного свидетельства заключенного в места заключения не имеется, то сообщается в тот призывной участок, к которому, со слов заключенного, он приписан. Если окажется, что заключенный не приписан к призывному участку вообще, то о его состоянии под стражей сообщается в местный военкомат с указанием, что к призывному участку он не приписан.

Ст. 311. В приписных свидетельствах граждан, находящихся под стражей, а также в призывных списках, в графе «примечание» против их фамилии призывными комиссиями делается отметка: «призыв отсрочен до освобождения из-под стражи». Остальные графы призывного списка прочеркиваются.

Ст. 312. После этих отметок приписные свидетельства возвращаются в места заключения, откуда они были посланы, извещения же мест заключения остаются в делах призывных комиссий.

Ст. 313. На всех получивших отсрочку призыва, вследствие нахождения под стражей, ведется особый «список лиц, чей призыв отсрочен вследствие нахождения под стражей или лишения избирательных прав по суду». (приложение, форма № 20).

Ст. 314. Места заключения обязаны, по освобождении заключенных, подлежащих призыву, сообщить в военкомат по месту приписки о том, что данное лицо из-под стражи освобождено. Если заключенный не был приписан к призывному участку, о его освобождении сообщается в местный военкомат.

Ст. 315. Каждый освобожденный из-под стражи немедленно по освобождении обязан явиться в военкомат по месту жительства и подлежит призыву, если на него не наложено судом поражения в избирательных правах (ст. 321).

Ст. 316. Если освобождение совпадает со временем призыва и освобожденный явится в военкомат не позднее 1 января, то он подлежит призыву с данным очередным возрастом. Если же освобожденный из-под стражи явится по окончании призыва, после 1 января, то на его приписном свидетельстве военкоматом делается отметка о его явке к следующему очередному призыву.

Ст. 317. Из списка находящихся под стражей освобожденный исключается и вносится в призывной список того возраста, с каким он должен будет призываться. Все изменения его семейного и имущественного положения записываются в этот призывной список.

Ст. 318. Если место явки в военкомат освобожденного из-под стражи не совпадает с местом его приписки, то военкомат делает отметку о призыве освобожденного с очередным возрастом лишь на его приписном свидетельстве. Если приписного свидетельства у освобожденного из-под стражи не окажется, ему предлагается озаботиться получением дубликата. Кроме того, военкомат уведомляет о явке освобожденного из-под стражи соответствующий военкомат по месту его приписки.

Ст. 319. На основании этого извещения (ст. 318) освобожденный из-под стражи, явившийся в военкомат не по месту приписки, исключается из списка «находящихся под стражей» и вносится в призывной список очередного призывного возраста.

Ст. 320. Если освобожденный из-под стражи окажется совсем неприписанным к призывному участку, то он должен быть приписан на общих основаниях.

Ст. 321. Граждане, лишенные по приговорам судом избирательных прав и не могущие в силу этого быть приня-

тыми в армию, от личной явки к призыву, по окончании лишения свободы, не освобождаются.

Ст. 322. В отношении таких граждан место заключения, по освобождении заключенного из-под стражи, сообщает в военкомат по месту его приписки, а если он не приписан, то в местный военкомат, помимо извещения об освобождении, также о том, что данный гражданин лишен избирательных прав, с указанием срока правопоражения.

Ст. 323. Призывные комиссии, по подвергая этих граждан освидетельствованию, в их приписных свидетельствах делают отметку: «призыв отсрочен, как лишенному избирательных прав сроком на « » лет», после чего они распускаются по домам.

Ст. 324. В призывном списке такая же отметка делается в графе «примечание» на основании уведомления места заключения. Остальные графы призывного списка прочеркиваются.

Ст. 325. Граждане, лишенные по суду избирательных прав и получившие вследствие этого отсрочку призыва, из призывного списка исключаются и записываются в список, указанный в ст. 313.

Ст. 326. Судебные установления, применяющие к лишенным избирательных прав амнистию, в виде сокращения правопоражения, обязаны сообщить об этом в военкомат по месту приписки амнистированного, если в деле имеются указания о месте приписки. Если данных о его приписке не имеется, то эти сведения сообщаются в местный военкомат.

Ст. 327. В случае, если лишенные избирательных прав восстанавливаются в своих правах до срока, они должны немедленно, по восстановлении в правах явиться в военкомат по месту жительства.

Ст. 328. Призыв граждан, лишенных избирательных прав по суду, по окончании правопоражения, производится тем же порядком, что и призыв граждан, освобожденных из-под стражи, т.-е. в зависимости от явки по окончании правопоражения.

Ст. 329. Военкоматы обязаны строго следить за тем, чтобы лица, как находящиеся в местах заключения, так и временно лишенные избирательных прав, по освобождении или окончании правопоражения, являлись в военкомат.

Ст. 330. В случае их неявки или несвоевременной явки они подлежат ответственности, как уклоняющиеся от призыва.

Ст. 331. Если призывная комиссия признает гражданина временно лишенного избирательных прав, подлежащим зачислению в тыловое ополчение, отсрочкой призыва до окончания правопоражения такой гражданин не пользуется.

Ст. 332. Если заключение под стражу или правопоражение заканчивается до достижения гражданами 32-х лет, они на действительную военную службу не принимаются, а зачисляются в запас первой очереди.

Циркуляр НКЮ № 179
НКФ № 1412

ТАКСА СБОРОВ ЗА ЗАСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЕ ВОЛОСТНЫМИ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫМИ КОМИТЕТАМИ И СЕЛЬСКИМИ СОВЕТАМИ СДЕЛОК, ДОГОВОРОВ И ДОКУМЕНТОВ.

На основании ст. 10 постановления Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР от 15-го июня 1925 г. «о засвидетельствовании волостными исполнительными комитетами и сельскими советами сделок, договоров и документов» («Изв. ЦИК СССР» от 30 июня 1925 года, № 146) вводится с момента опубликования нижеследующая такса сборов за засвидетельствование волостными исполнительными комитетами и сельскими советами сделок, договоров и документов.

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ.

1. Учреждения, лица и документы, освобождаемые от сборов, указаны в прилагаемом к таксе перечне; кроме того, волисполкомы и сельсоветы могут освобождать от сборов неимущих лиц.

2. В случае участия в сделке лиц и учреждений, свободных от уплаты сборов, таковые уплачиваются другой стороной, за исключением документов добровольных пожарных организаций и договоров по государственной семенной ссуде, которые свободны от сборов во всех случаях (приложение к таксе разд. II).

3. Уплата сборов производится при самом засвидетельствовании сделки (документа) без всякой рассрочки.

СТАВКИ СБОРОВ.

1. За засвидетельствование всякого рода сделок взимается 0,1% с суммы акта, но не ниже 1 рубля.

При определении суммы сделки для взимания сборов за засвидетельствование применяются те же правила, что и для взимания гербового сбора, согласно ст. 5 инструкции о применении устава о гербовом сборе.

Суммой сделки считается та, которая объявлена сторонами, и может выражаться или в деньгах или в натуре (например, столько-то пудов ржи).

Стоимость предметов в натуре определяется сторонами, если же она ими не определена, то устанавливается по справочным ценам подлежащих учреждений в момент заключения сделки.

2. За засвидетельствование всякого рода надписей на имущественных документах (сделках) совершаемых сторонами, взимается 50 коп. за надпись.

3. За засвидетельствование сделок, сумма коих не может быть определена в момент засвидетельствования, взимается одновременно 1 рубль.

4. За засвидетельствование доверенностей, выдаваемых:

- а) трудовыми землепользователями и их объединениями, а также кооперативами первой степени (производственными, потребительскими, кредитными и т. п.) на ведение дел в судебных и прочих правительственных учреждениях, взимается 25 коп. с доверенности;

- б) трудовыми землепользователями на заключение договоров трудовой аренды земли—50 коп. за доверенность;

- в) трудовыми землепользователями и их объединениями на заключение договоров аренды государственных земельных имуществ—50 коп. за доверенность;

- г) трудовыми землепользователями и их объединениями на подписание обязательств при покупке в розницу с рассрочкой платежа сельско-хозяйственных машин и орудий—25 коп. с доверенности;

- д) на управление имуществом трудового сельскохозяйственного хозяйства (двора)—50 коп.

- е) за все прочие доверенности—50 коп.

5. При засвидетельствовании доверенности, выдаваемой несколькими отдельными гражданами или несколькими юридическими лицами вместе, сверх установленной платы за доверенность, взимается по 10 коп. с каждого лица, за исключением первого.

6. За засвидетельствование подлинности подписи на заявлениях, повестках (кроме почтовых) и других документах, но не на сделках или договорах, взимается 10 к. за подпись; при нескольких подписях за первую взимается 10 коп. и за каждую последующую—по 5 коп.

7. За засвидетельствование подписей за неграмотных крестьян на обязательствах, выдаваемых ими при покупке

в розницу с рассрочкой платежа сельско-хозяйственных машин и орудий, взимается по 10 коп. за каждую подпись.

8. За выдачу выписки из реестра—по 15 коп. за страницу.

9. За удостоверение выписок из торговых книг—по 50 коп. за каждую страницу, за удостоверение выписок из прочих книг, представляемых гражданами, по 15 коп. за страницу.

10. За пронумерование и прошнурование книг кооперативов—полкопейки с каждого листа, но не меньше 15 коп. со всей книги.

11. За засвидетельствование копий документов:

- а) сделок взимается по 25 коп. с каждой страницы;

- б) остальных документов—по 15 к. с каждой страницы.

Примечание 1: Сбор за выдачу выписки или засвидетельствование копий не могут быть выше, чем сборы за засвидетельствование тех же подлинных документов.

Примечание 2: Во всех случаях, указанных в таксе, в странице считается 25 строк.

Приложение к таксе.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЗЪЯТИЙ ПО СБОРАМ ЗА ЗАСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЕ ВОЛОСТНЫМИ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫМИ КОМИТЕТАМИ И СЕЛЬСКИМИ СОВЕТАМИ СДЕЛОК, ДОКУМЕНТОВ И ДОГОВОРОВ.

I.

УЧРЕЖДЕНИЯ И ЛИЦА, ОСВОБОЖДАЕМЫЕ ОТ СБОРОВ.

1. Крестьянские комитеты обществ взаимопомощи.

2. Общество содействия жертвам интервенции, его органы и все граждане РСФСР по оформлению документов, направляемых обществу содействия жертвам интервенции и его органам.

3. Лица, признанные судом согласно п. «в» ст. 43 Гражд. Проц. Код. неимущими средств к оплате пошлин по судебным делам, при засвидетельствовании документов и копий для представления к делам, по которым состоялось такое определение суда.

II.

ДОКУМЕНТЫ, ОСВОБОЖДАЕМЫЕ ОТ СБОРОВ.

1. Документы добровольных пожарных организаций, связанные с оформлением их организаций.

2. Документы по делам, касающимся отношения граждан к призыву и прохождению военной службы.

3. Доверенности на получение и взимание зарплат ниже 13 разряда, а также пенсий и пособий по социальному обеспечению.

4. Договоры по государственной семенной ссуде заключаемые непосредственно с населением.

5. Доверенности на получение телеграмм, повесток и вообще всякой корреспонденции, а также доверительные подписи на почтовых повестках дубликатах, переводах и т. п.

6. Засвидетельствование подписи и удостоверения личности получателей всякой корреспонденции.

7. Засвидетельствование копий документов, представляемых в учебные заведения при поступлении в эти заведения.

8. Документы по делам взыскания всякого рода заработной платы и средств на содержание.

Народный Комиссар Юстиции **Курский.**

Народный Комиссар Финансов **Милютин.**

16 сентября 1925 года.

Издатель { Юридическое Издательство НКЮ РСФСР.

Ответственный Редактор
Редакционная Коллегия

{ Н. Крыленко.
Я. Бранденбургский.
С. Прушицкий.